

Майя Кладова

12+

Найти свет в сумерках

Четвертая книга серии "Тайны старых берегов"

Майя Кладова

Найти свет в сумерках

Серия «Тайны старых берегов», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64314172

SelfPub; 2021

Аннотация

Прошлое не отпускает меня. У меня новая школа, новый дом... где судьба сталкивает меня с теми, кого, как я думала, больше никогда не увижу. Так получается, что мне предстоит разгадать тайну странных смертей и исчезновения сестры Дена и Андрея... этих двоих людей, неожиданно занявших место в моем сердце. А значит, я не могу остаться в стороне. Главное, чтобы не оказалось слишком поздно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	65
Глава 12	72
Глава 13	77
Глава 14	82
Глава 15	87
Глава 16	96
Глава 17	103
Глава 18	108
Глава 19	114
Глава 20	120
Глава 21	132
Глава 22	140
Глава 23	155

Майя Кладова

Найти свет в сумерках

Глава 1

В окно хлестал серый дождь, оставляя на стекле крупные капли. Ветер пригибал к земле тонкие деревца на пустыре и раскачивал единственный фонарь на углу дома. Питерский ноябрь который день рвался захватить власть, но бегунок на настенном календаре продолжал настаивать на том, что еще только середина октября.

«Год назад такая погода вогнала бы меня в глубокую депрессию», – подумалось вдруг мне.

Я отошла от окна, задвинула ярко-зеленые шторы и подмигнула всем и каждому с фотографии, висящей на стене. На фото были запечатлены мои любимые и родные: мама, папа, бабушка, дед, Димка и кот Зевс. Все они сидели в саду старого дома на Ладожском озере, где я жила еще недавно. Бабушка обнимала папу, Димка – маму, а дед – кота. А всю эту компанию «обнимали» осенние яркие деревья. На заднем плане на скамейке лежала папина гитара, на столе были сложены пустые шампуры, тарелки и коробка из-под шоколадных конфет. Это фото я сделала пару недель назад. На нем все счастливо улыбались, как будто говоря мне: «Теперь

точно все будет хорошо!»

«Вот они, мои антидепрессанты», – улыбнулась я.

Зазвонил телефон, и на экране показалась улыбающаяся физиономия моей лучшей подруги, еще одной причины жить и радоваться, несмотря на некоторые неурядицы.

– Майка, ну ты где? Мы с Лехой уже замерзли! Выходи! – возмущенно отчитывала меня Лерка.

– Лер, а может, вы без меня погуляете? – спросила я с надеждой, – погода не очень, я бы лучше дома посидела с книжкой.

– Ну здравствуйте, – обиделась подруга, – мы же договаривались!

– А давайте ко мне в гости! – вдруг пришла мне в голову здравая мысль. – И пообщаемся, и не надо мерзнуть...

Тут мою радостную речь прервал звук перфоратора, я еще попыталась что-то расслышать, но подруга отсоединилась. Через несколько секунд от Лерки пришло сообщение: «Выходи, у тебя невозможно находиться. Ждем у подъезда».

Я вздохнула и стала одеваться. Сосед все не унимался, продолжая делать ремонт в новой квартире, а вскоре к нему присоединился еще кто-то сверху с молотком.

Такая «музыка» сопровождала теперь меня регулярно: в начале осени мои родители купили квартиру в новом, недавно построенном доме.

После того, как наша семья воссоединилась, мы поняли, что должны жить вместе: мама, папа, брат и я. Родители про-

дали двухкомнатную квартиру и купили трехкомнатную подальше от центра города. Отсюда маме было даже удобнее добираться до районной больницы, где она работала, ну а папа вдруг заявил о желании жить недалеко от залива: наверное, такое влияние на него оказало Черное море, на берегу которого он провел последний год до нашей встречи. Меня этот район тоже неожиданно устроил: оказалось, что в соседнем квартале находился дом, где пару лет назад купила квартиру мама моей лучшей подруги Лерки. Так что долго мы не раздумывали и после первого просмотра дали свое согласие на покупку.

Каждые выходные мы уезжали в поселок на Ладоге. После обязательных объятий со слезами радости от бабушки мы жарили шашлыки, рассказывали о том, как прошла неделя, и отдыхали в любимом саду. За ужином бабушка всегда устраивалась возле папы, время от времени глядя его по руке, как будто проверяя, не снится ли ей ее сын, которого, как она думала еще недавно, навсегда потеряла.

Дед, глядя на это, улыбался и начинал суетиться по хозяйству, чтобы самому не впасть в сентиментальности. Зевса я решила оставить у бабушки и дедушки, чтобы им было не так грустно жить пять дней без нас с Димкой.

Лера с мамой тоже с сентября жили в городской квартире. Мама моей подруги ждала второго ребенка, но ее беременность проходила тяжело, и ее часто клали на сохранение в больницу. По понятным причинам на их семейном совете

было решено, что Лера и мама пока будут жить в городе, поближе к медицинским учреждениям. Леркин папа регулярно приезжал «к своим девочкам» и привозил свежие деревенские продукты.

Школа у меня теперь была под окнами нашего нового дома: туда же ходила и Лерка. Перейдя в недавно построенную школу вдвоем, мы не чувствовали никакого дискомфорта: все ученики здесь были новенькими. С одноклассниками мы общались нечасто: гулять после уроков было негде, так как вокруг школы территорию еще не обустроили, да и осенняя погода не располагала. Кроме того, друг друга нам с Леркой вполне хватало для общения.

Выйдя на улицу, я сразу надела на голову капюшон: дождь стал мельче, но от этого нисколько не приятнее. Лерка и Леха вышли из-под горки на площадке и устремились ко мне: подруга меня обняла, а Леха, улыбаясь, пожал руку. Я залюбовалась Леркиным ухажером: он уже восстановился после операции, в ярко-голубых глазах появилась радость к жизни, взгляд стал увереннее, фигура крепче, и весь он был похож на какого-то принца из сказок в современном обличье. Мне оставалось только радоваться за свою подругу.

– Куда пойдем? – спросила я, плотнее затянув шнурок на воротнике.

– Здесь недалеко классная пиццерия, – затараторила Лерка, – мы вчера там были, у них много акций, и пицца очень вкусная.

Лерка взяла меня под руку и повела на тротуар вдоль проспекта, Леха пошел за нами.

– Леха, а как ты здесь оказался? – пыталась я приобщить к нашему разговору друга, но капюшон мешал мне поворачивать голову назад.

– У Лехи брат здесь учится, живет в общежитии, – стала рассказывать за нашего спутника Лерка, – на выходные некоторые студенты из области уезжают домой, и места освобождаются, вот Сергей и договорился с комендантом пускать Леху переночевать. Леха им всем там компьютеры настраивает, так что у него большой блат.

Я стала выражать свои восторги по поводу того, что так здорово все сложилось и выспрашивать Леху, какие места Петербурга ему больше всего нравятся, Лерка же тянула меня по направлению к пиццерии.

Дойдя, наконец, до места, мы расположились в маленьком уютном зале за круглым столиком. Теперь, ожидая заказ, я могла расспрашивать в подробностях Леху о последних событиях в его жизни.

Пицца действительно оказалась вкусной: не сухая, на тонком тесте и с сочной начинкой. Наевшись и согревшись, я довольно улыбнулась своим друзьям и собралась обсудить планы на осенние каникулы.

– Ой, я же совсем забыла! – прервала мои мысли Лерка, – мама просила купить ей ананасы в компоте, я побегу! Леш, проводи, пожалуйста, Майю!

Подруга вскочила, взяла рюкзак и побежала к выходу, на пороге обернулась, послала нам воздушный поцелуй и выбежала за дверь.

Лешка проводил ее взглядом, и в его глазах мне показалась грусть.

«Что это сейчас было? – удивилась я мысленно, – Лерка как будто на меня «скинула» Леху, как будто позвала меня, чтобы от него избавиться...»

В слух же я принялась рассказывать подробности о том, где была с мамой в Петербурге, стараясь красочно обрисовать достопримечательности и особо тепло смотреть на друга. Леха кивал и улыбался.

Потом Леха проводил меня до квартиры: в лифте полупустого, еще малозаселенного дома мне было страшновато ездить одной.

В окно я смотрела, как друг понуро идет к остановке троллейбуса, чтобы ехать обратно к своему брату в общежитие.

«Что случилось с Леркой? – думала я, – она же так порхала вокруг Лехи, когда тот сидел в инвалидном кресле, так переживала, когда он лег на операцию... обижалась, что он не поехал в лагерь. Теперь вот он: здоровый, симпатичный, надежный, а она как будто старается его от себя подальше отпихнуть. Или она просто переживает за свою маму?..»

Я подумала, что хорошо, когда ты в любое время можешь пойти или поехать и увидеться с тем, кого любишь. Пока человек есть, и он где-то недалеко, то все возможно.

Зазвонил телефон, и на экране высветилось: «Андрей С». Я отключила звук и отложила телефон подальше. Мой взгляд упал на письменный стол, где возле лампы стоял маленький деревянный заяц. Это была память о Дене. Я взяла зайца в руки и погладила по мордашке. Взгляд снова устремился в темень окна, и я стала вспоминать.

Глава 2

В тот день была прекрасная погода: ласково светило октябрьское солнце, предъявляя по всей красе разукрашенные осенью деревья. Я, взволнованная, приехала на вокзал проводить Дена: он уходил в армию.

Я спешила к человеку, который за каких-то пять дней стал мне родным и близким.

Минувшим летом мне довелось отвоевывать у судьбы своих пропавших родителей. Чтобы узнать правду об их исчезновении, мне пришлось скрываться от очень опасных людей, когда я осталась одна в чужом городе. Именно Ден стал тогда моей последней надеждой. Он, совершенно незнакомый тогда человек, дал мне укрытие и помог выяснить, где может быть моя мама. И поплатился за это собственным здоровьем. Он спас меня и мою маму, а я помогла ему. Тогда я еще не знала, насколько сложно переплетены наши жизни и прошлое.

Ден с раннего детства сам воспитывал свою младшую сестру, хотя был старше ее всего на полтора года. Их мама страдала от алкогольной зависимости, в их квартире постоянно обитали непонятные субъекты со всего города. А Ден и Ксения жили отдельно в закрывающейся на замок комнате.

Когда Ксении исполнилось шестнадцать лет, ее и Дена отправили в детский дом, потому что их маму лишили мате-

ринских прав. Впрочем, Ден оттуда сразу сбежал и скрывался, где придется. Но младшую сестру он не бросал: работал, тайно ее навещал или передавал ей купленные на свою зарплату вещи, фрукты и витамины. У Ксении было слабое здоровье, и часто Дену приходилось передавать ей все это прямо в больницу. Как у него это получалось, оставалось загадкой.

Он мечтал, что когда ему исполнится восемнадцать, ему уже не нужно будет прятаться, он отслужит в армии, оформит попечительство над младшей сестрой и заберет ее из детского дома.

Такие были у него мечты. А я все ему испортила.

Гонимая жаждой разгадать загадку прошлого и найти спрятанные женихом моей двоюродной бабушки сокровища, я невольно стала участницей страшных событий. Хотя – таких ли уж страшных? Ведь в те дни я нашла своего отца... только это уже история моей семьи...

Но и в чужую семью я влезла основательно. Я познакомилась с Андреем, чтобы попасть на его участок и попытаться найти спрятанные в начале прошлого века сокровища. Сокровища я не нашла. Но в день гибели отца Андрея я поняла, что нашла единокровного брата Дена. Когда-то папа Андрея жил в Петербурге с женой и маленьким сыном. А через год он нашел себе новую жену в Севастополе. И так и не узнал, что через полгода после развода и переезда у него в Петербурге родилась еще и дочь. В тот год новая жена родила ему еще одного сына, Андрея.

Я подружилась с Андреем. А потом погиб его отец. Мой новый друг был подавлен произошедшим. А я была поражена сходством его молодого папы на фото и Дена. Тогда все и открылось. Андрей загорелся желанием познакомиться со своими братом и сестрой, а также забрать свою сестру в Севастополь, чтобы вновь обрести семью. Мама Андрея давно жила за границей. Он уговорил свою няню Полину оформить попечительство над Ксенией и забрать ее из детского дома, чтобы она жила на морском побережье и забыла про свои бесконечные болезни.

Только вот никто не учел мнение и желание Дена. Никто не учел его собственные мечты. Даже я.

На вокзале было шумно и многолюдно. Вокруг бритых голов призывников толпились родственники, друзья и девушки. Заплаканные лица у мам и подруг, серьезные – у пап: обычная «прощальная» атмосфера сегодня была накалена до предела. Я сразу увидела Дена: он стоял один, как-то отдельно ото всех и ел мороженое. Было видно, что он не ждет никаких провожающих, и вообще привык быть сам по себе. Мое сердце забилося, а ноги как будто приросли к полу. Я стояла, прижав к себе пакет с пирожками, которые сама испекла с третьей попытки.

Ден продолжал независимо есть эскимо. А я думала: знает

он или нет?

Знает ли он, что его сестру желают удочерить другие люди? Знает ли он о моем участии в этом? О том, что именно я рассказала его единокровному брату о Ксении и об их семье. Именно я виновата в том, что Ден не сможет оформить попечительство над своей сестрой. Или все же сестра не захочет уехать в Крым с новой семьей и останется ждать Дена?.. Ведь в этом возрасте мнение ребенка должны учитывать... или она уже согласилась?

Я понимала, что если сейчас подойду к нему, а он не захочет со мной разговаривать, то я этого не переживу.

О том, куда и когда едет служить Ден, мне стало известно от Леры: последние три месяца Ден работал в фирме ее папы. Сам папа моей подруги приехать на вокзал не смог, так как в тот день его помощь была нужна беременной жене. Дена я не видела с того дня, как рассказала ему про поездку в лагерь на море.

В сентябре в нашей семье происходили слишком масштабные события, чтобы я думала о моей первой любви. Знания того, что Ден живет в надежном месте, обеспечен работой и средствами к существованию, мне было достаточно.

Я посмотрела на часы и поняла, что сейчас начнется построение, а Ден так и уйдет, не увидев меня. Глубоко вздохнув, я сделала несколько шагов.

– Майя! – Ден удивленно и радостно посмотрел на меня.

Я кивнула и протянула ему пакет с пирожками. Ноги и гу-

бы меня не слушались: я не могла подойти ближе и не могла сказать ни слова.

Ден взял пакет.

– Что там? – весело спросил он.

– Пирожки с мясом и капустой, я сама пекла, – тихо сказала я. – И еще... сувенир.

Я долго думала, что подарить Дену на память о себе. Дать ему свое фото было бы навязчиво. Уже на вокзале в сувенирном ларьке я нашла плоский металлический фонарик с изображением Петра Первого и надписью – афоризмом: «Есть желание, – тысяча способов; нет желания, – тысяча поводов!». Мне казалось, что такой подарок будет напоминать Дену, как мы с ним работали в образах Петра и Екатерины Второй в минувшем июле, а значит, обо мне.

Ден подарок оценил и улыбнулся. А мое сердце растаяло. Я посмотрела на его бритую голову, на широкие плечи в солдатской форме, и почему-то вспомнила, как тащила его на себе избитого и окровавленного в Петергофе, а еще как потом встретила возле «приюта рыбака» на берегу озера, и у меня полились слезы.

– Майя, ну ты что, не плачь, – сказал Ден, достал из кармана бумажный платок и протянул мне.

Я кивнула, но платок не взяла.

Ден быстро наклонился ко мне, поцеловал в мокрую щеку, сказал «береги себя» и пошел в строй.

Мимо меня стали пробегать мамы и девушки других при-

звивников, пытающихся напоследок сказать что-то важное или не очень...

– Майя! – вдруг услышала я сзади голос.

Я обернулась и не сразу увидела, кто меня окликнул. Потом поняла, что передо мной стоит Андрей. Тот самый Андрей, брат Дена по отцу, с которым я познакомилась в Севастополе в августе.

Андрей подошел ко мне, а я испуганно посмотрела в сторону, куда пошел Ден. Мне показалось, что в этот же момент Ден повернулся и нашу сторону и его взгляд остановился на Андрее. Я инстинктивно отпрянула вправо, не спуская глаз с Дена, а он исчез в толпе.

Внутри меня что-то оборвалось.

«Даже если до этого он ничего не знал про мое знакомство с Андреем, то теперь знает», – подумала я.

Мои руки упали вниз и из глаз снова полились слезы.

– Майя, ты что? – обеспокоенно спросил Андрей, – ты провожала Дениса?

Я покивала и молча пошла к метро. Как я доехала до дома, я помнила плохо. Возле подъезда на лавочке сидела Лерка. Увидев меня, она достала телефон, набрала номер и громко отчиталась: «Теть Насть, вижу ее на горизонте, сейчас буду ее ругать, так что не волнуйтесь».

– Ну что, гулена, тебе зачем телефон нужен? Твоя мама уже с ума сходит, не может дозвониться.

– Сейчас позвоню, – пробурчала я, сев рядом. – В транс-

порте не слышала звонка.

– Лучше не надо, я уже позвонила. Твой похоронный голос еще больше ее напугает. Ездила на вокзал? – без перехода спросила подруга.

Я кивнула.

– Видела его?

– Да.

– А он тебя?

– Да.

Лерка внимательно посмотрела на меня, подняла со скамейки и повела гулять, чтобы я «пришла в норму».

Мы долго гуляли возле залива, и я рассказывала Лерке про то, что случилось на вокзале.

– А ты уверена, что Ден видел тебя вместе с Андреем? – спросила Лера.

– Мне кажется, да.

– А ты уверена, что Ден знает, кто такой Андрей? Они уже познакомились?

– Я не знаю. Наверное, да.

– Майя, ты ничего не знаешь, а уже придумала себе горе мирового масштаба. Может, Андрей с Полиной еще даже не приезжали к этой Ксюше, и Ден даже не подозревает, что ее кто-то хочет удочерить.

– Я не знаю. Давай просто погуляем, – вздохнув, ответила я.

На обратном пути Лера завела меня в магазин и заставила

купить килограмм апельсинов.

– Когда тебе захочется плакать, тут же иди и бери апельсин, – напутствовала подруга, – во-первых, у него позитивный цвет. Во-вторых, ты отвлечешься на то, чтобы его почистить. В-третьих, у него яркий вкус, который тоже тебя отвлечет. Ну и к тому же в нем мало калорий.

Домой я вернулась с большим пакетом цитрусовых. Как оказалось, не зря: в тот день мама приехала с работы чихающая и с температурой, а в следующие два дня с гриппом слегли папа и брат. Как ни странно, меня вирус не сразил. Домашние поедали витамин «С» в форме купленных мною апельсинов, грейпфрутов и мандаринов, пили чай с медом. Я варила им куриный бульон, ходила в аптеку, и мне было совершенно некогда горевать по Дену. Через несколько дней семья пошла на поправку.

«Главное, чтобы, все были живы и здоровы, а остальное как-нибудь сложится», – всегда говорит моя бабушка. И, наверное, она права.

Единственное, что время от времени могло возвращать меня к грустным мыслям – звонки Андрея. Я ни разу не ответила ему.

Глава 3

Вот и сейчас от воспоминаний меня пробудил телефонный звонок. Я вздрогнула, увидела на экране «Андрей», отключила звук.

«Пусть без меня разбираются, все оформляют, это их семейные дела, – подумала я. – Ну а если Ксения не захочет, чтобы ее удочеряла бывшая няня Андрея, чтобы ее увозили в Крым, то я не буду ее уговаривать, это ее жизнь. Я и так слишком влезла во все это».

С моего возвращения из пиццерии, где я была с Леркой и Лехой, прошло около часа. Мама уже пришла с работы и хлопотала на кухне.

Я поставила теплого от моих ладоней деревянного зайца на полку, погладила его по макушке. В прихожей раздался звонок в дверь. Умолк звук блендера: мама пошла открывать.

Через полминуты мама заглянула в мою комнату.

– Майя, там к тебе пришли, – удивленно сказала она, держа в руке кухонное полотенце, – какой-то молодой человек.

– Ко мне? – тоже удивилась я и вышла в прихожую.

Возле двери стоял Андрей. Мое сердце забилось, и я почувствовала, что лицо залилось краской.

– Майя, нам нужно поговорить, – сказал Андрей, – это по поводу Ксении.

Я вздохнула.

– Проходи, – сказала я, – чай будешь?

Андрей отрицательно помотал головой. Он повесил куртку, снял кроссовки, прошел в мою комнату, почему-то оглянулся по сторонам, посмотрел в окно, и только потом повернулся, опершись о подоконник.

– Ксения пропала, – сказал он, глядя мне в глаза.

Я удивленно посмотрела на своего гостя.

«Снова Ксения, – подумалось вдруг мне, – надо же, я ни разу не видела эту девушку, но столько выпадает переживаний из-за нее».

– Как «пропала»? Из детского дома?

– Последние три недели она жила в больнице, у нее после ОРВИ развилась пневмония. В больницу к ней приходила знакомиться Полина, сказала мне потом, что Ксения обещала подумать об ее удочерении и переезде в Севастополь. А через день она пропала из больницы. В детском доме ее нет, она туда не возвращалась.

Я вздохнула и села на стул. Только этого мне не хватало: разыскивать и убеждать Ксению, чтобы она предала Дена и уехала с новой семьей в Севастополь.

– И что, ты хочешь, чтобы я ее нашла и уговорила поехать с вами? – спросила я Андрея.

– Я тебя прошу, чтобы ты подумала, где может быть Ксения. Как я понял, ты... хорошо знакома с Денисом. Может, есть какие-то места, где она может находиться. Мне просто

нужно знать: она сбежала, потому что не хочет уезжать с нами, или с ней что-то случилось. Если она не хочет жить с нами, то мы просто уедем и не будем ни на чем настаивать.

Я задумчиво посмотрела в окно.

– А домой она не приходила? – спросила я, – есть же еще квартира, где они жили до того, как их отправили в детский дом...

– Мы там были. Ее там нет. И каких-либо ее вещей там тоже нет. Мы видели эту женщину, ее мать. Она не смогла сказать ни слова. Но мне кажется, если бы Ксения и заходила туда, то сразу бы ушла, – при этих словах Андрей поморщился, видимо, вспомнив встречу с мамой Дена и Ксении, которую лишили материнских прав за злоупотребление алкоголем.

– Да... странно, – проговорила я и задумалась.

Была пара тайных мест, где бывал Ден, и о которых я знала: катер, на котором мы жили, когда я скрывалась от людей Верхова этим летом, «приют рыбака» возле Ладожского озера, где жил Ден последние три месяца. Но на катер давно вернулся хозяин. А вот в «приют рыбака» я съездить могу, вдруг Ден рассказывал о нем Ксении?..

«А есть еще много мест и много событий в жизни Дена, о которых ты даже не догадываешься», – сказал мой вредный внутренний голос.

– Хорошо, Андрей, я постараюсь вспомнить. Если что-то придет мне в голову, я тебе позвоню.

После этих слов Андрей пристально посмотрел мне в глаза.

– Позвонишь? – спросил он с каким-то укором.

– Да, я обещаю позвонить в любом случае. В воскресенье.

Андрей порылся в кармане, что-то достал и протянул мне.

В его руках я увидела свою резинку для волос с морскими ракушками.

– Это твое, – сказал Андрей, – ты ее забыла летом у нас в доме. Я тебе звонил, чтобы ее отдать, но ты не отвечала.

Я протянула руку, чтобы взять резинку и коснулась руки Андрея. Тут же какая-то горячая волна захлестнула меня с ног до головы, и я поняла, что снова покраснела.

«Да что же это такое», – подумала я, злясь на себя, и взглянула на Андрея.

Его серые глаза, в которых мне всегда виделся какой-то хитрый прищур, смотрели прямо на меня. Шли секунды, а он так и не убирал свою руку. Я все-таки взяла резинку, сжала ее в кулаке и отошла к двери, все еще продолжая ощущать дрожь.

– А как ты узнал, где я живу? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– У мужа Полины здесь есть друг, бывший сослуживец, – пожал плечами Андрей.

«А муж Полины – полицейский», – вспомнила я.

– Понятно. Извини, что не отвечала на звонки, что-то много дел после переезда, да еще конец четверти...

– Да, я понимаю, – сказал Андрей, – глядя в сторону. – Если позвонишь, буду тебе очень благодарен.

Он открыл дверь, вышел в прихожую, и там я увидела Лерку, которая вешала на крючок какой-то пакет.

– Ой, Майя, я не хотела мешать, – сказала, оправдываясь, Лера, оглядывая Андрея, – мне сказали, что у тебя гости, а я же брала у тебя маленький электрический чайник для мамы в больницу, вот я его здесь повесила.

– Лера, это Андрей, Андрей, это – Валерия, – представила я их друг другу. – Андрей уже уходит.

– Да я тоже побегу, завтра тебе позвоню, – сказала Лерка, оглядываясь на Андрея.

Мой гость, уже надевший кроссовки, взял с вешалки свою куртку, открыл дверь, придержал ее перед выходящей Леркой, взглянул на меня, сказав «спасибо», и дверь закрылась.

Я прошла в комнату. Первым желанием было броситься к окну, но я взяла полотенце и пошла в душ.

«Еще не хватало, чтобы он увидел, как я смотрю на него из окна, – зло думала я, намыливая волосы шампунем».

Под струями воды мне стало легче и уже казалось, что ничего такого особенного не произошло.

«Я разволновалась просто потому, что Андрей – брат Дена, у них одна кровь, вот и все», – уверяла себя я.

«И, наверное, я все же должна принять активное участие в поисках Ксении. Ради Дена», – поняла я.

Глава 4

В выходные мы с мамой, папой и братом поехали в поселок. Проезжая мимо ворот участка Лехи, я заметила его самого с полными фирменными пакетами из гипермаркета.

Как только я поздоровалась с бабушкой, дедом и Зевсом, я устремилась в гамак, чтобы занять его раньше Димки, и принялась звонить Лехе.

– Привет, Майя! – отозвался друг в трубке.

– Привет! Я думала, что ты, как обычно, приедешь к вечеру вместе с братом.

– Я решил вернуться вчера, захотелось переночевать дома. Да и маме нужно здесь помочь. Серега приедет сегодня вечером.

– А он за рулем? Он же вроде купил машину? Не знаешь, чем он планировал заниматься на выходных? – взволнованно стала расспрашивать я.

– Вроде свободен, – ответил Леха. – А тебя нужно куда-нибудь подбросить? Думаю, он не откажет.

– Слушай... если ему не будет трудно, я бы попросила его отвезти меня в одно место. Сергей же каждые выходные выбирается на озеро порыбачить, а там очень здорово, там Лерка с ее папой рыбачат. Мне не хочется дергать моего папу, он по воскресеньям отсыпается, да и бабушка его не отпустит: это ее время, – добавила я с улыбкой.

– «Приют рыбака»? Я там был пару раз с Лерой. Думаю, Серега с радостью съездит. Позвони ближе к вечеру.

Мы попрощались, и я стала помогать бабушке накрывать на стол.

Погода снова наладилась, радовала солнцем и даже немного теплом. Сад переливался разноцветной листвой, как самоцветами, а где-то вдали плотной стеной стояли вековые сосны, как оплот надежности и вечности этих мест. После обеда мы с Димкой и мамой расположились в саду, дав возможность бабушке и деду пообщаться с сыном, то есть моим папой.

Какие бы неприятности ни случалось за неделю в нашей повседневной жизни, здесь все это казалось мелким и незначительным. Каждое воскресенье мы возвращались в город в уверенности, что все трудности преодолимы. И, как ни странно, это оказывалась правдой.

Утром меня возле ворот ждала потрепанная и старенькая, но для брата Лехи новая и недавно купленная машина.

Мы приехали к нужному месту, оставили машину на поляне. Пройдя минут пять по лесу, я увидела ставший милым моему сердцу маленький бревенчатый домик. В дупле растущего рядом дерева я нашла ключ, открыла дверь, уже понимая, что Ксении здесь нет.

В доме было прибрано, вещи аккуратно сложены. Было заметно, что Ден бережно относился к своему временному убежищу. Сергей и Леха пошли рыбачить, а я стала собирать

дрова для костра. Возле боковой стены дома располагалась импровизированная мастерская, где Ден делал разные заготовки для фирмы Лериного папы. Я погладила рукой деревянный стол и присела на вкопанную в землю табуретку.

На деревянном срубе я увидела вырезанную ножом картинку: девушка в пышном платье, а за ней – фонтан. Сердце забилось быстрее: на картинке я узнала себя в образе Екатерины Великой. Именно в таком виде я работала вместе с Деном прошедшим летом.

«Он думал обо мне, – обрадовалась я, – и даже вырезал это изображение в свободное от работы время».

Настроение сразу улучшилось. Мне стало жаль, что я не смогу забрать домой этот сруб. Но я знала, что запомню эту картинку до мельчайших подробностей.

Я прошла до берега, чуть ли не танцуя, улыбнулась Лехе и его брату и с удовольствием потянулась, жмурясь на солнце. Возвращаясь обратно к домику, я почувствовала укол совести: Ксению или ее следов пребывания здесь я не обнаружила, а это не так уж и радостно.

Разжигая костер, я стала думать, куда еще могла уйти пятнадцатилетняя девушка из больницы, не взяв с собой даже верхнюю одежду. Тем более странно, она не закончила лечение. А ведь сейчас конец октября...

Не могла же она отправиться вслед за Деном в армию за несколько сотен километров?..

Где мог обитать Ден, когда скрывался от своих врагов и

от полиции, не желая возвращаться в детский дом? Какие-то ночлежки для бездомных? Не пошла бы туда Ксения...

Может, какие-то бывшие соседи? Или кто-то из работников детского дома скрывает ее у себя? Но зачем?.. Ее никто не принуждает соглашаться на удочерение Полиной... и знает ли Ден, что его сестра пропала?..

Я вспомнила, что обещала позвонить Андрею в любом случае и достала телефон.

– Привет, – сказала я. – Я проверила одно место, Ксении здесь нет, и, похоже, не было. Больше я не представляю, куда она могла пойти, если ушла из больницы сама.

– Понятно, – немного помолчав, ответил Андрей. – Спасибо. Это место находится далеко?

– Да, это на берегу Ладожского озера.

– Ясно... там, наверное, красиво?

– Красиво, – отозвалась я и тут же вспомнила, что планировала разговаривать с ним только по делу. – Ну ладно, пока, желаю тебе удачи в поисках.

– Спасибо, – вновь после паузы произнес Андрей и сразу отключился.

Я ощутила укол совести, но тут же постаралась оправдать себя. Я сделала то, что обещала. Больше я никак не могла повлиять на поиски сестры Андрея и Дена. Я не стала сообщать о «приюте рыбака» Дену и Полине, потому что хотела наедине встретиться с Ксенией. Чтобы потом не оказалось, что я ее сдала: вдруг она действительно не хочет, чтобы на

нее давили, не хочет уезжать в Крым...

Через два часа Сергей и Леха принесли полное ведро рыбы, мы запекли несколько штук, завернув их в фольгу.

Вечером меня привезли прямо к калитке и вручили пакет с частью улова, несмотря на мои возражения.

– Бери, ты тоже участвовала в процессе, была хранительницей очага, – настаивал Леха.

– Ладно, спасибо большое, – улыбнулась в ответ я. – Леха, приедешь в следующую пятницу в Питер?

– Нет, – ответил Леха, помотав головой. – Думаю, у меня будет много дел.

– Ясно, – пробормотала я, понимая, что при старшем брате друг и не даст более подробный ответ. А может, он вовсе не хочет говорить на тему своих отношений с Леркой.

Из рыбы бабушка сделала фарш, сформировала котлеты, и теперь у нашей семьи был замороженный запас еды быстрого приготовления. В город мы вернулись поздним воскресным вечером.

Глава 5

В понедельник мы с Леркой вместе готовились к четвертной контрольной работе по химии в ее квартире. Новый школьный предмет плохо давался моей подруге, она все время стремилась решить задачи, математически складывая элементы без учета химических реакций, и впадала в панику от моих исправлений.

– Майя, может, мне уйти в какой-нибудь профессиональный лицей прямо сейчас? Ну не потяну я эту химию...

– Конечно, а кто хотел поступать в МЧС, чтобы спасать людей? Как, интересно, ты туда попадешь после профессионального лицея? В пожарные пойдешь? – наставляла я подругу, – давай я тебе еще раз объясню...

– Ох, нет, не надо. У меня голова пухнет, – застонала Лерка. – Пойдем на балкон пить чай.

Я согласилась на перерыв. Балкон в Леркиной квартире был необъятный, там стояли большие качели, низкий столик, а вид открывался прямо на залив. Завернутые в пледы, мы смотрели на опускающееся в воду солнце.

– Даже не знаю, где красивее: здесь или на Ладого, – восхищенно пробормотала Лерка.

– Красота – понятие многогранное, – философски заметила я. – На Ладого красиво по-другому.

– Это да... Кто раз был на Ладого, никогда ее не забудет.

– Да... хорошо бы, чтобы и люди не забывались с тех мест. Особенно хорошие люди. Особенно друзья.

– Ты о чем? – спросила Лерка, – а...

Подруга меня поняла. Мы всегда понимали друг друга практически без слов.

– Понимаешь, мы очень круто провели с Лехой время в сентябре: ходили на озеро, собирали грибы в лесу, ездили в Питер на выходные. Я любовалась тем, как он ходит. И даже испытывала гордость за него и за нас с тобой. Это же мы помогли оплатить операцию.

– Ты ему об это сказала? – воскликнула я.

– Нет, ты что! – так же горячо ответила подруга. – Я никогда ему об этом не расскажу, можешь быть уверена! И я видела, что и он сам горд своими успехами по восстановлению. Он стал еще красивее, как это не заметить?..

– Тогда что? – нетерпеливо спросила я.

– Понимаешь, я стала ощущать, что больше ему не нужна. Ну как будто я выполнила какую-то важную задачу, она удалась, я полюбовалась успехом, и все. Дальше – я не знаю, что делать. Дальше мне неинтересно.

– Но Леха довольно начитанный, лично мне с ним очень даже интересно...

– Да нет, не в этом смысле. Наверное, ты все равно не поймешь, – с сожалением сказала подруга.

– Ну куда уж мне, повидавшая жизнь тетя Лера, – шутливо вздохнула я. – Я поняла: спасти его больше не надо. Поэто-

му тебе с ним теперь неинтересно. А ты ведь у нас спасатель, будущий сотрудник МЧС. Ладно, пойдём дальше заниматься химией, чтобы осуществить твою мечту.

Мы ещё немного поупражнялись с химическими элементами, Лерка начала делать успехи, решила несколько задач, и я, удовлетворенная, засобиралась домой.

– Подожди, я тебя провожу, – сказала подруга, переодеваясь в уличную одежду.

В прихожей она взяла стопку каких-то листовок и клей.

– Что это? – поинтересовалась я в лифте, указывая на Леркину ношу.

Подруга протянула мне одну листовку. Оттуда на меня смотрела молодая девушка с карими глазами и светло-русыми волосами, заплетенными в косу.

– Ксения Петрова, шестнадцать лет, ушла двадцать первого октября и не вернулась, – прочитала я, – откуда это у тебя?

– Андрей дал. Я вчера с ним случайно встретилась на улице, когда навещала маму. Там недалеко находится детская больница, откуда пропала его сестра.

– А.. откуда ты знаешь про Ксению?.. – удивилась я.

– Ты же меня познакомила с Андреем в пятницу. Мы потом вместе дошли до остановки, немного пообщались. А вчера я увидела, как он приклеивает листовку на столб.

Он мне рассказал о том, что произошло: как после смерти отца он узнал, что у него есть в Петербурге единокровная

сестра, как его бывшая няня Полина согласилась эту девочку удочерить, чтобы забрать ее в Севастополь и Андрей мог с ней видеться, они же с Полиной живут рядом. О том, что эта Полина с мужем даже прошли курсы для опекунов и попечителей за два месяца. Как они приехали в Петербург и узнали, что эта девочка пропала. Бедный, он так расстроен...

– Да... – отозвалась я, а про себя добавила: «Вот кому теперь нужна помощь, Андрея подруга будет рада спасти».

Естественно, мне тут же стало стыдно за такие мысли. Тысячи волонтеров вступают в специальные отряды, чтобы искать пропавших людей, тратят на это свободное время, расклеивают листовки, прочесывают леса, ходят по дворам. И не получают за это ни копейки.

– Давай и мне, – сказала я, – тоже буду расклеивать.

Лера благодарно протянула мне треть своей стопки.

Мы разделились по противоположным сторонам проспекта и принялись за работу.

«Надо же, она лежала в больнице, где работает моя мама, – заметила я, разглаживая на столбе лист. – Только, наверное, в другом отделении».

В течение двух часов я механически выполняла возложенную на себя задачу, а сама понимала, что мысленно я уже нахожусь в той самой больнице. Скорее всего, Ксения лечилась в инфекционном отделении, а там у меня есть знакомая, тетя Таня, с которой мама дружит много лет. Я пару раз с ней встречалась: на новоселье в нашей квартире и недавно воз-

ле больницы, когда приносила маме забытый ею обед. Тогда еще я бегала в магазин за кофе по просьбе тети Тани.

Дома я попросила у мамы контакты ее подруги, коротко обрисовав ситуацию.

– Майя, ты решила поработать за полицию? – укоризненно спросила мама, раскладывая по тарелкам ужин, – уверяю тебя, они там были, все тщательно осмотрели и со всеми общались. Заведующая даже успокоительное пила несколько дней. Еще всем прилетит за эту пропавшую девочку.

– Ну мам... это нужно мне самой. Просто для того, чтобы меня не мучила совесть. Я знаю ее брата и Полину, и они ведь нам помогли, ты же помнишь.

– Конечно, помню, – вздохнула мама, присев на стул, – но что ты хочешь там увидеть? Это инфекционное отделение, девочка лежала с пневмонией после ОРВИ. После нее палату тщательно вымыли, ты не найдешь там улики, как показывают в фильмах. Отвлекать персонал от работы расспросами – это тоже неправильно.

– Я понимаю. Я не буду никого отвлекать. Просто чувствую, что мне нужно туда сходить. Может, это мне моя совесть подсказывает. А может, интуиция. Но если не съезжу, то буду мучиться до конца своих дней, – с пафосом закончила я.

– Вот таких фраз, пожалуйста, не надо, – ответила мама. Она встала, взяла телефон и набрала номер. А я поздравила себя с успешно проведенными переговорами.

Глава 6

На следующий день я с повязкой на лице, в белом халате и перчатках бежала по больничным коридорам, стараясь не отставать от энергично шагающей тети Тани.

– Надо же, оказывается эта девочка – твоя подруга, бывают же такие совпадения, – вздохнула на ходу мамина подруга.

– Да, тетя Таня, я очень теперь переживаю, – отзывалась я, – хочу просто побыть там, где она была последние дни...

Тетя Таня подошла к дежурившей на посту медсестре, что-то ей сказала и поспешила обратно, строго мне напомнив: «Ничего не снимай!»

Я согласилась, поплотнее укутавшись в выданный мне халат.

– Ты – подруга Ксюши? – спросила меня невысокая женщина в очках.

– Да, здравствуйте, – отозвалась я, – простите, что отвлекаю вас. Я знаю, что здесь была полиция, но мне просто хочется узнать, в каком настроении была Ксения последние дни перед тем, как пропала. Я даже не могу спокойно спать, так была к ней привязана... мы дружили много лет, – продолжала врать я.

В глазах медсестры показались слезы.

– Да какое настроение, волновалась она, конечно. К ней приходила женщина, которая собралась оформить над ней

попечительство. Женщина приятная, мне понравилась. А Ксюша после этого ходила, переживала. Рисовать перестала...

– Она рисовала? – спросила я и тут же прикусила язык. Я, как лучшая подруга, должна была знать об увлечениях Ксении.

– Рисовала просто необыкновенно! – воскликнула женщина, показав на стену, – это она мне подарила в прошлый раз. Она часто у нас лежала, здоровье-то у нее слабенькое.

Над письменным столом висела небольшая картина. На ней был изображен летний городской пейзаж: река, набережная, мост. На берегу, взявшись за руки, стояли женщина и маленькая девочка. Картина была выполнена профессионально: было не похоже, что ее нарисовала шестнадцатилетняя девушка.

«Хотя ведь у ее брата тоже художественный талант», – подумала я, вспомнив, как Ден искусно вырезал из дерева.

– Очень красиво, – вслух произнесла я.

– Да, красота, – поддержала меня подошедшая к столу пожилая женщина с ведром.

– Нина Валерьевна, вы уже помыли? – спросила женщину медсестра.

– Да, Валечка, я все, – ответила та.

– А вот это – подруга Ксюши Петровой, которая пропала, – медсестра кивнула на меня, – и по совместительству дочка Колесниковой Анастасии Игоревны с отделения нев-

рологии.

– Да ты что! – удивилась женщина, оглядев меня с головы до ног. – Слушай, я тогда тебе отдам кисточку.

– Какую кисточку? – не поняла я.

– Ксюшину, – ответила женщина, – я ж на больничном была, когда Ксюшка пропала. Полицейские тут все исследовали, осмотрели, а я уж потом помыла палату. И представляешь, в матрасе нашла кисточку, которой Ксюша рисовала. Как-то эта кисточка завалилась туда. Ксюша-то рисовала по ночам, думала, что никто не видит. А днем отсыпалась. Ну ее особо не гоняли, жалко ее было. Детдомовская все-таки. А кисти-то эти дорогие, наверное, жалко выбрасывать. Я все-таки надеюсь, что вернется она в детдом. Подожди здесь.

Я согласно кивнула. Через пару минут женщина принесла мне маленький прозрачный пакет с художественной кистью. Я поблагодарила ее. Больничный «тихий час» закончился, мне стало понятно, что пора уходить. Попрощавшись с медсестрой, я направилась к выходу.

На улице я присела на лавочку в больничном дворике и достала кисточку. В живописи я ничего не понимала, даже не знала, из чего эта кисточка сделана. Тут на деревянной ручке я увидела надпись и напрягла зрение.

«Тикко Б., – прочитала я. – И что это значит? Это фамилия? Или слово?»

Положив кисточку в пакет и засунув его в карман, я направилась к выходу.

– Ну что, сидишь? – услышала я голос и обернулась. У ворот сидела рыжая дворняга с грустными глазами, а рядом с ней стояла Нина Валерьевна и выкладывала на землю кости, – уж извини, что не котлеты, к которым тебя Ксюха приучила.

Собака, услышав это имя, вскочила, заскулила и замахала хвостом.

– Нету, нету, ее, успокойся. Ешь, что дают, – сказала Нина Валерьевна и вздохнула, а потом увидела меня.

– Вот, прикормила Ксюха этого бедолагу. Бросала ему ночью из окна мясо, а сама всякими вредностями питалась. Все бегала тайно к автомату на втором этаже, покупала хлебцы с помидорами и базиликом. Знаешь, такие, в пакетиках, типа сухариков. По мне, так редкостная гадость. И разве это питание для болеющего ребенка? Я ее ругала, да что толку? И собака за ней кочевала: то в детдом, то опять в больницу. Ксюха-то часто у нас гостила, постоянно болеет. И не долечилась. Сбежала, глупая. Купит ли сама лекарство, не знаю... а ведь эти все ее постоянные простуды на сердце плохо влияют...

– Вы все-таки думаете, что она сбежала? – спросила я, погладив собаку.

– Думаю, да. Наверное, не хотела уезжать, – снова вздохнув, ответила Нина Валерьевна. – Я тебе так скажу: мать – она всегда мать. Даже пьяная, грязная, какая угодно, а все детдомовские мечтают к ней вернуться. Все. И каждый надеется, что мама пить перестанет и будут они жить долго и

счастливого. Вот такая правда.

Нина Валерьевна махнула рукой куда-то в сторону и пошла к остановке.

Собака осталась сидеть возле ворот. А я не знала, как мне теперь уйти.

– Ну что, пойдешь со мной? – неожиданно для себя спросила я собаку, уже представляя лицо своей мамы при виде такого «сюрприза».

Собака вздохнула, и мне показалось, что она отрицательно помотала головой.

Я пошла к остановке, оглянулась, похлопала по своей ноге и протянула к собаке руку, все еще предлагая ей присоединиться ко мне. Но дворняга переступила с лапы на лапу и демонстративно отвернулась в сторону, оставшись сидеть на месте.

– Ну как хочешь, – сказала я.

«Вот так, все уверены, что Ксения сама сбежала из больницы, – думала я, шагая по тротуару. – Наверное, она знала все тайные ходы и выходы, раз больница практически была ей вторым домом, при ее постоянных ангилах и простудах».

В автобусе я еще раз вспомнила слова Нины Валерьевны про маму Ксении.

«Понятно, что полицейские первым делом направились туда, где живет ее мама. Но не нашли там Ксению. Наверное, допросили ее маму. Но что мне мешает все-таки съездить туда?..»

Вернувшись домой, я позвонила Андрею.

– Можешь прислать мне адрес дома, где живет мама Ксении? – сходу спросила я.

– Хорошо, – отозвался Андрей. – Ты хочешь туда поехать?

– Я не уверена, подумаю, – ответила я.

– Ты что-то узнала? – встрепенулся он.

– Нет, – помедлив, ответила я, – просто подумала, что ничего не потеряю, съездив туда.

– Я поеду с тобой, – твердо сказал Андрей.

– Зачем это? – возмутилась я.

– Ты не представляешь, что за люди могут быть в квартире ее матери. Там настоящий притон алкоголиков. Не вздумай идти туда одна.

– Хорошо, – согласилась я со вздохом.

Глава 7

Мы договорились встретиться в вестибюле метро «Гостиный двор» в три часа. Я опоздала на пять минут. Сойдя с эскалатора, я сразу увидела Андрея. У него в руках были цветы, который он протянул мне, когда я подошла.

– Это что? – спросила я, глядя на букет маленьких желтых роз.

– Цветы, – пожав плечами, ответил Андрей.

– Зачем?

– Ну я не знаю, все молодые люди стоят здесь с цветами, и я подумал...

– У нас вообще-то не свидание, – проворчала я, но цветы взяла, понимая, что отпираться от букета и дальше было бы уже глупо. – Спасибо.

– Пожалуйста, – хмыкнул Андрей.

Честно говоря, идти в «притон алкоголиков» с цветами мне уже не хотелось. Наверное, Андрею тоже. Мы всячески оттягивали этот визит: погуляли по Невскому, сходили на Дворцовую площадь. Потом согрелись чаем в пышечной.

– Скажи, а что тебя все-таки связывает с этой семьей? Я имею в виду, с Денисом? – спросил меня Андрей, глядя в окно и размешивая в чашке сахар, – он – твой парень?

Последняя фраза вышла у него как-то хрипло. Андрей отпил чай из чашки, поставил ее на блюдце и посмотрел мне

прямо в глаза.

Я понимала, что меньше всего хотела бы обсуждать свои чувства к Дену с Андреем. Тем более, что когда Андрей был рядом, я сама не понимала, что я чувствую к нему самому. Пауза затягивалась, а я не знала, что сказать.

– Ну если не хочешь, то можешь не отвечать, – сказал Андрей с деланным равнодушием.

– Хорошо.

– Что «хорошо»? – не понял Андрей.

– Ты сказал, что можно не отвечать. Поэтому не буду.

Андрей снова посмотрел в окно.

– Красивый у вас город, – задумчиво произнес он.

– Да. У вас тоже, – отозвалась я, почувствовав, что мои слова звучат как-то язвительно.

«Что я на него ополчилась, в самом деле? – пристыжено подумала я. Сижу с подаренными Андреем цветами, ем купленную им пышку...»

– Извини, – сказала я, краснея. – Это очень долгая история. Так получилось, что мы с... Деном очень друг другу помогли. И пережили одно необычное приключение вместе. Но, как видишь, я даже не знаю, где он жил.

– Понятно. Ты поэтому пришла провожать его на вокзал?

Я снова разозлилась. Андрей напомнил мне о том дне, когда я в слезах возвращалась домой, уверенная, что Ден видел меня рядом с ним.

– А почему ты пришел на вокзал? – спросила я, чтобы не

дать вырваться наружу своим недавним переживаниям.

– Хотел с ним поговорить. Он все-таки мой брат по отцу. Попросил мужа Полины разузнать все о Денисе. Он же полицейский, и у него здесь сослуживец в больших начальниках ходит. Но приехал на вокзал и не решился подойти. Ты оказалась смелее, чем я, – усмехнулся Андрей.

– Да уж... – промямлила я.

– Ладно, я все понимаю, – вдруг сказал Андрей серьезным голосом. – Больше не буду тебе названивать. Если хочешь, можешь выбросить эти цветы.

Я была не уверена, что он все понимал, но не стала больше продолжать эту тему.

Мы расплатились и пошли к дому, где жила мама Дена и Ксении.

Свернув во двор и подойдя к нужному подъезду, мы встали, как вкопанные: в микроавтобус грузили какой-то большой черный пакет, похожий на завернутое человеческое тело. Рядом стояли старушки, причитали и крестились.

Мое сердце упало куда-то вниз. Я подняла глаза: на пятом этаже было распахнуто окно. Именно в этом подъезде на пятом этаже жила мама Дена и Ксении.

– Что случилось, не знаете? – подошла я к старушкам.

– Знаем, чего ж не знать, – откликнулась самая бойкая, – то, что должно было случиться, то и случилось.

– Кто-то выпал из окна? – нетерпеливо спросила я.

– Кто должен был рано или поздно выпасть, тот и выпал, –

зло гавкнула старушка.

– Да ладно тебе, Никитична, – отозвалась другая. – Все равно горе, человека не стало.

– Допилась Лариска, – сказала третья.

Я повернулась к подошедшему Андрею, и он покивал мне головой.

– Ее зовут... звали Ларисой?

– Да. Пойдем отсюда, – взял меня за руку Андрей.

– Подожди... но как это?.. – мне до сих пор не верилось, что произошло что-то непоправимое, – мы же хотели... – я неопределенно повела рукой вверх, и тут же поняла, что находиться здесь действительно нам уже не было смысла.

Я посмотрела на землю, где заканчивали работать полицейские. Один закрывал кожаную папку на «молнию», другой собирал какой-то чемоданчик.

– Ее же даже похоронить будет некому, – причитали старушки, – детей в детдом забрали, и никого больше у нее нет. Не станут же этим заниматься ее друзья – собутыльники.

– Майя, пойдем, – тихо сказал мне Андрей, – я попрошу Полину, она займется похоронами. Ксении здесь нет.

Я сжала руку в кулаке, и почувствовала, что мою руку что-то колет, опустила глаза вниз и посмотрела на свой букет. Потом подошла к месту, откуда уже отошли оперативники, и положила цветы на землю.

Андрей снова протянул мне руку, я послушно вложила свою, и мы пошли в арку.

– Ты думаешь, она сама... выпала из окна? – спросила я.

– Не знаю. Может, и сама, – ответил Андрей. – Ты же знаешь, что с ней было.

– Но она так жила много лет, а выпала из окна только сегодня. Перед тем, как мы пришли, – тут я остановилась, – а ведь если бы сразу пошли сюда, может, это можно было бы предотвратить.

– Майя, перестань. Случилось то, что случилось. Забудь.

– Андрей, ведь мы гуляли, пили чай, а могли сразу поехать сюда. Ведь это... его... их мама, какая бы она ни была.

– Не мама. Ее лишили родительских прав.

– А если ее кто-то толкнул?.. Если она не сама?

Андрей тем временем достал телефон и принялся звонить. Потом минут десять разговаривал по телефону, наверное, с Полиной или ее мужем. Я стояла в стороне и пыталась унять дрожь. Все-таки не каждый день увидишь упакованное в черный мешок человеческое тело. Особенно, если этого человека намеревалась в этот день посетить.

В моей голове не унималась мысль: «А если она не сама прыгнула? Ведь столько лет ничего с ней не случилось. Случилось именно сегодня. И как раз тогда, когда непонятно где находится ее дочь».

Вдруг меня поразило совсем дикое предположение: «А если это сделала Ксения?.. или она сама толкнула свою маму в окно? Из чувства мести за такое страшное детство?.. хотя какое же оно страшное, ведь Ден сделал все, чтобы его млад-

шая сестра не страдала из-за алкоголизма их матери: все время где-то подрабатывал, кормил ее, одевал, как мог...»

Я помотала головой, стараясь отогнать страшные мысли.

«Во что я снова ввязалась, – корила я себя, пока Андрей вызывал такси, – сидела бы дома, читала бы интересную книгу... так нет, тянет меня на подвиги...»

Через пять минут подъехало такси, Андрей довез меня до дома и проводил до квартиры.

– Майя, забудь все, что ты видела. Это должно было рано или поздно случиться, и мы ни в чем не виноваты.

Я посмотрела на него и покивала. Мне вдруг захотелось, чтобы он снова взял меня за руку или обнял.

Андрей, как будто почувствовав это, взял мою руку и развернул ладонь вверх.

– Не забудь обработать ладонь. Ты ее уколола шипами роз, когда мы были возле того дома.

Я растерянно посмотрела на ладонь: на подушечке под безымянным пальцем виднелась небольшая красная ранка.

Андрей как-то стремительно нагнулся и поцеловал меня в щеку, а я отпрянула, нащупала другой рукой дверную ручку и скользнула в квартиру, не отрывая глаз от его смущенного лица.

В прихожей я немного посидела на стуле, постаравшись унять дрожь. Рука тянулась к щеке, куда меня поцеловал Андрей. Мне почему-то хотелось улыбаться, несмотря на пережитое возле дома Ксении и Дена.

«Все, больше никаких приключений. Буду плыть по течению: ходить в школу, гулять, отдыхать. И никому не позволять вгонять меня ни в какие волнения. А тот черный мешок забуду, как будто я его не видела. И про Андрея тоже нужно забыть. Он вообще скоро уедет, а я останусь здесь, снова брошенная».

Ужинать мне не хотелось. Я устроилась на диване, завернувшись в плед, и стала щелкать пультом от телевизора. Попадались одни детективы.

– Свидетеля успели убрать перед нашим приходом, – серьезно говорил по телевизору мужчина в погонах.

– Откуда они могли узнать, что мы придем? – отвечал ему другой.

«Откуда они могли узнать?», – пронеслось эхом в моей голове.

О том, что мы идем к маме Ксении, знали только я и Андрей.

«Не хватало еще самого Андрея начать в чем-то подозревать», – раздраженно подумала я.

Зазвонил телефон. На экране показалось имя «Андрей». Я сбросила звонок. Звонок повторился. Я отключила телефон.

Потом положила ладонь на свою правую щеку, куда недавно меня поцеловал меня Андрей, и попыталась понять, что я чувствую. С полки на меня укоризненно посмотрел деревянный заяц. Я заволновалась и постаралась вспомнить, в какую

щеку меня на вокзале поцеловал Ден.

– В левую, – мысленно сказала я зайцу и другую ладонь положила на левую щеку, – это другая щека. Не смотри на меня так.

«И вообще, Ден поцеловал меня просто в знак благодарности за пирожки. А еще – из жалости. Я стояла перед ним, вся заплаканная и несчастная. К тому же теперь он меня наверняка презирает, поняв, что я знаю Андрея. А Андрей... он поцеловал точно не из жалости. Достаточно вспомнить, как он на меня смотрит».

Я до глаз завернулась в плед. Серия детективного сериала закончилась, началась какая-то романтическая мелодрама, под которую я и заснула.

Глава 8

Полина сдержала слово: похороны она полностью взяла на себя. Я долго думала, идти ли мне на это не самое приятное мероприятие, и все-таки пошла.

«И так будет мало людей, Полина, ее муж и Андрей, – подумала я. – А вдруг все-таки объявится Ксения? Или... придет Ден?...»

Оказалось, что Полина привезла на кладбище и трех соседок Ларисы и даже вручила им большой пакет с упакованными бутербродами, блинами и какими-то напитками, чтобы те устроили символические поминки дома. Нам вспомнить об этой самой Ларисе было совершенно нечего.

Ни Ксении, ни Дена на похоронах не оказалось.

Зато совершенно неожиданно я увидела Лерку. Она держалась возле Полины и все время спрашивала, чем еще она может помочь.

– Спасибо, Лерочка, ты и так очень помогла, столько блинов напекла, – говорила тихо Полина, глядя подругу по руке.

Мне оставалось только удивляться активности моей подруги. Хотя об истинных причинах такого стремления помочь я догадывалась, ловя ее взгляды в сторону Андрея.

Когда все закончилось, я побыстрее пошла от свежей могилы к воротам кладбища, обещая себе больше не лезть в эти «не мои» дела. Если Лере хочется, пусть дальше решает их

семейные проблемы. Обернувшись, я увидела, как Андрей смотрит мне вслед, потом к нему подошла Лера и прикоснулась к его плечу. Он повернул к ней голову, а я отвернулась.

Захотелось поскорее уйти с этого места, я уже почти бежала мимо памятников и крестов.

Перед последним поворотом к выходу я резко остановилась. На одной из могил стояла табличка: «Тикко Борис Владиславович».

Я машинально нащупала в кармане пакет с кисточкой для рисования, на которой была написана эта же фамилия. Даты жизни на табличке сообщали, что этому самому Борису Тикко был всего двадцать один год.

Зазвонил телефон.

– Майя, ты куда побежала? – спросила в трубке Лера. – Пойдем с нами, посидим в кафе возле метро, Андрей обещал показать хорошее место с вкусными пирожными.

«Андрей ей обещал», – подумала я с внезапным раздражением.

– Спасибо, но я поеду прямо отсюда на вокзал, сегодня же суббота, мои уже в поселке.

– Ну ладно, – отозвалась подруга, – тебе тогда нужно ехать с Полиной и дядей Славой, они собирались в ту сторону.

– Спасибо.

Я, спрятавшись за стену остановки, подождала, когда Лерка и оглядывающийся по сторонам Андрей сядут в автобус. Потом вышли Полина с Вячеславом Олеговичем и направи-

лись к такси, я поспешила выйти из своего укрытия, чтобы к ним присоединиться.

«Все, доеду до вокзала, попрощаюсь, и забуду обо всем этом, – думала я в дороге. – Андрей скоро уедет в Севастополь, и пусть Лерка по нему страдает. А мне все равно. У меня есть Ден».

«Да-да, есть он у тебя, – тут же отозвался мой внутренний голос, – очень ты ему нужна».

Уже в электричке я вспомнила о том, что меня так поразило на кладбище.

Фамилия «Тикко» достаточно редкая. Хотя, может «Б» – это не Борис. Может, Богдан...

Я взяла телефон, открыла приложение «Вконтакте», забила в поиск «Борис Тикко» и его возраст. Открылась одна страница. На аватарке вместо привычного фото был изображен портрет, нарисованный, наверное, маслом. В постах – музыка, ссылки на музеи, выставки, фестивали. В графе «Образование» – неоконченное высшее, один из художественных ВУЗов нашего города. Последний раз владелец страницы был в сети четыре месяца назад.

Сомнений у меня не осталось: на кладбище я видела могилу того, чьей кисточкой рисовала свои картины Ксения. Только этому Борису был двадцать один год. Ксении – шестнадцать. Он был студентом художественного вуза, она жила в детском доме. У него родным городом на страничке был обозначен Тихвин. Где могли пересечься этот Борис и Ксе-

ния?..

Ксения жила то в детском доме, то в больнице. Даже если этот Борис лежал в больнице, то это была «взрослая больница», он же был совершеннолетним. И с чего бы он мог отдать свою кисть Ксении?..

Может ли быть связана смерть Бориса с исчезновением Ксении? Он умер четыре месяца назад, она пропала полторы недели назад...

Когда поезд прибыл на станцию, у меня кружилась голова от предположений и версий. Выйдя на перрон и вдохнув свежего воздуха, я сразу почувствовала себя лучше. Захотелось выкинуть из головы чужие проблемы, исчезновения и смерти.

Глава 9

У здания вокзала стояла машина папы, а он сам, прислонившись к капоту, ел эскимо. Увидев меня, он помахал рукой, а я, как в детстве бросилась к нему и обняла, как будто мы не виделись целую вечность.

– Майя, подожди, – смеялся папа, – я сейчас тебя мороженым измажу.

Я отстранилась, тоже смеясь, и села в машину поесть свою порцию любимого лакомства.

Папа вел машину, а я любовалась им и думала, что вообще-то я обязана Лерке до конца своей жизни. Именно она потянула меня в лагерь на Черном море в августе, и благодаря этой поездке я нашла своего папу. А если капнуть еще глубже, то с помощью моей подруги я узнала о том, что скрывает моя кукла Лиза, доставшаяся мне от прабабушки. Ниточка за ниточкой, и получилось так, что в июле у меня появилась цель заработать деньги, и в итоге я узнала, что случилось с моими родителями, и смогла вернуть маму.

Лерка была в моей жизни катализатором каких-то невероятных событий. Мне стало стыдно за то, что я испытывала к подруге раздражение.

«Пусть хоть замуж выходит за Андрея, я буду только рада», – решила я.

Я снова посмотрела на папу: тонкие ноябрьские солнеч-

ные лучи освещали его лицо, проникая в каждую складку его шрамов. Он отрастил бороду, которая частично скрыла последствия его травм на лице. Лоб покрывала густая челка. В магазине он не снимал солнечные очки, чтобы лишний раз не пугать окружающих самым глубоким шрамом возле глаза. И все равно на него оборачивались прохожие, заинтересованные таким загадочным видом. Папа к этому привык, да и мы постепенно перестали обращать на это внимание.

На углу нашей улицы я увидела Лешку и помахала ему рукой, он ответил.

«Все, не буду думать о чужих людях, у меня есть свои, любимые, – решила я».

Выходные прошли насыщенно: мы помогли готовить сад и огород к зиме, ремонтировали баню и жарили шашлыки в новом маринаде. На дегустацию я позвала Леху.

В город возвращались отдохнувшие и счастливые. Мама собиралась на ночное дежурство в больницу, и мы все вместе поехали ее проводить. У входа в больницу из окна машины я увидела рыжую собаку.

«Пес Ксении, – вспомнила я».

Пес лежал на фанере, поджав под себя лапы.

«А скоро холода, он замерзнет», – мазнула по сердцу грустная мысль.

По словам Дена и сотрудников больницы, Ксения была очень доброй и душевной. Могла ли она вот так бросить собаку, которую практически приручила?..

Я вздохнула, достала смартфон и снова зашла на страницу этого парня, Бориса Тикко. Открыла список его друзей, их было всего пятнадцать. Меня привлекло фото девушки в круглых очках и с мелкими кудряшками вокруг лица. Почему-то мне показалось, что она должна быть общительной. Я долго собиралась с духом и все-таки ей написала.

«Здравствуйте, вы случайно не знаете Бориса Тикко?» – набрала я текст дрожащей рукой и отправила. Выдохнула.

Девушка была онлайн и ответила сразу же.

«Здравствуйте, а вы ему кто?» – получила я ответ.

«Я его бывшая соседка, приехала учиться из Тихвина», – соврала я.

В окошке сообщения я увидела, что моя собеседница, именовавшая себя «Ева Ко», набирает текст. Потом окошко замерло. Я поняла, что Ева текст стерла.

Ответ пришел только через два часа, когда я уже ложилась спать.

«Борис погиб летом», – коротко сообщила мне Ева.

Я этот ответ ожидала, но решила выждать драматическую паузу и легла спать. Проснувшись в шесть утра, я схватила телефон, и написала: «Это ужасно. Мы жили в одном доме, а потом переехали. Он играл со мной в детстве. Я даже была в него влюблена. Я ничего не знала. Мы можем с вами встретиться?»

Ева ответила через час, написав, что у нее будет вечером минутка, и она может встретиться возле метро «Парк Побе-

ды».

Я поблагодарила свою новую знакомую, пообещала не опаздывать и сильно ее не задерживать.

В школе я встретила Лерку, которая светилась от счастья.

«Ну вот и хорошо», – сказала я себе, обняла подругу и стала слушать ее рассказ о том, как они с Андреем гуляли в центре, ели в каком-то умопомрачительном кафе фиолетовое мороженое, а потом ходили на выставку в «Этажи».

– Я рада за тебя, Лер, – честно сказала я подруге, – только ты ведь понимаешь, что Андрей потом уедет?

– Ну конечно, мы ведь с ним просто друзья, – смущенно ответила подруга, пряча глаза.

Я вздохнула, и мы пошли в класс.

Глава 10

Весь день я думала о том, как должна выглядеть девушка, приехавшая учиться в петербургский колледж из Тихвина. Так и не придумав ничего особенного, я надела джинсы, куртку, собрала волосы в хвост и поехала к месту встречи.

Ева появилась на минуту позже меня. На ее плече висел огромный черный футляр, с какими часто ходят художники. Сама она была невысокой и худенькой, от чего казалось, что этот футляр в любую минуту может ее придавить к земле. Мне стало неловко, что я собираюсь ей морочить голову, но назад пути уже не было.

Мы поздоровались, Ева внимательно меня оглядела. Я поежилась под ее взглядом, но постаралась ничем не выдать своего волнения.

Мы перешли проспект и сели на скамейку возле библиотеки. Ева молчала и ждала.

– Простите... извините, что оторвала вас, – начала я, стараясь придать голосу как можно больше простоты и даже смогла выдавить из глаз слезы – на ветру это было несложно – расскажите, пожалуйста, как это произошло...

– Вы хотите знать, как Борис погиб? – с сомнением переспросила Ева.

– Да... понимаете, я так хотела увидеться с ним. Я даже специально решила поступать в Петербурге. Первая любовь,

даже детская любовь, она же всегда очень чистая и наивная. Сейчас я уже повзрослела, живя отдельно от родителей. Я просто хотела найти его и вместе вспомнить наше детство. А оказалось вот как. У меня в городе больше нет друзей, все остались в Тихвине...

Ева смотрела на меня, как будто что-то решая для себя.

– Не переживайте так, – наконец мягко сказала она, – это только первое время трудно, потом привыкнете, найдете друзей, сблизитесь с однокурсниками. Борис... это был несчастный случай. Он, наверное, хотел открыть форточку, но поскользнулся на подоконнике и упал с пятого этажа.

– Он выпал из окна? – чересчур громко воскликнула я.

На нас обернулись прохожие, а я извинилась.

– Не кричите так... – тихо попросила Ева, – да, он выпал из окна.

– Но... как так может быть? Он... пил?

Ева вздохнула.

– Я бы не сказала, что он прямо употреблял алкоголь в больших количествах, – осторожно начала она, – вообще это все странно, мы не могли поверить. Он всегда был осторожным. Пил немного, курил... вот курил много. На подоконнике разлился растворитель. Он всегда писал картины возле окна, а на подоконнике выставлял банки с красками и растворитель. На этот растворитель упала сигарета, произошло возгорание. Он, видимо, стал открывать окно, оно не поддавалось. Он залез на подоконник, поскользнулся, может, от

боли, так как его нашли под окнами сильно обгоревшим. Наверное, сильно навалился на стекло, оно не выдержало и выдвинулось. Он упал вниз с пятого этажа.

Я представляла все, что произносила Ева и чувствовала, что мои руки и ноги слабеют, а голова тяжелеет.

– Майя, Майя, – Ева, – трясла меня за плечо. Ко мне возвращалось сознание.

Ева достала из сумки термос, поднесла его к моим губам, и я почувствовала вкус горячего сладкого кофе. Сразу стало легче.

«Надо же, обморок получился настоящим, и играть не надо», – растерянно думала я, возвращая Еве термос.

– Простите, пожалуйста, – пробормотала я.

– Ну что ты, это я виновата. Зря рассказала тебе все эти подробности, – вздыхала Ева, убирая термос в сумку.

– Спасибо, тебе, Ева, – ответила я, не заметив, как мы перешли на «ты».

– Да не за что, – отозвалась та. – Если хочешь, мы можем общаться. Ты, кстати, где учишься?

– В медицинском, – наугад соврала я.

– От медицины, я, конечно, далека – засмеялась Ева. Но если захочешь поговорить об искусстве, то тогда я с удовольствием. Давай я тебя провожу?

– Нет, что ты, спасибо, – улыбнулась я, – я уже полностью пришла в себя.

Мы попрощались, и я поехала домой.

«Хороша студентка медицинского колледжа, – думала я, глядя в окно троллейбуса, – теряет сознание от рассказа про несчастный случай... но ведь он произошел как бы с ее знакомым... и все равно...»

Я кусала губы и вздыхала, задумчиво глядя на дорогу, пока не поймала на себе настороженный взгляд сидящей напротив женщины средних лет. Я ей улыбнулась, достала смартфон и стала копаться в социальных сетях. Такая картина сейчас более привычна для попутчиков. И все же мне не давала покоя мысль, которая все время ускользала от меня. Что-то не клеилось в этом «несчастном случае».

Я поужинала, сделала уроки, собрала рюкзак в школу. Все это получалось у меня «на автомате»: мои мысли снова и снова возвращались к тому, что рассказала Ева. Я представляла картину произошедшего: человек пишет картину, потом решает покурить, зажигает сигарету, она падает на подоконник, на котором разлит растворитель. Почему он разлит? Потому что банка упала. Ева сказала, что Борис был осторожным. Он же должен был понимать, что зажженная сигарета и разлитый растворитель могут привести к трагедии? Это действительно был несчастный случай?..

Мои мысли прервал сигнал смартфона.

«Как ты думаешь, я ему нравлюсь?», – прочитала я сообщение от Лерки.

«Конечно!» – ответила я, прекрасно понимая, кто это «Он».

«Честно?» – не унималась Лера.

«Честно. Посмотри в зеркало. Если бы я была парнем, я бы мечтала с тобой встречаться», – снова ответила я.

Лерка прислала смеющийся смайлик, я ответила смайликом-«поцелуйчиком» и отложила телефон. Тот снова провибрировал. Я вздохнула и с улыбкой снова открыла соцсеть.

«Привет! Не спишь?» – прочитала я сообщение от Андрея. На аватарке он стоял в профиль, устремив взгляд в темное море с вздымающимися волнами.

У меня заколотилось сердце.

«Ты ошибся адресатом», – ответила я.

«Я не ошибся», – пришел ответ.

«Сплю», – ответила я, выключила звук смартфона и отнесла его в прихожую.

Попросив папу разбудить меня в семь утра, я легла и почти сразу уснула.

Сон у меня был беспокойный. Мне мешали спать голоса, тени, которые как будто ходили передо мной, хотя я знала, что в комнате я одна и дома все спят. Уже под утро мне приснилась какая-то маленькая девочка, которая стояла у окна в небольшой комнате. Голоса за дверью звали ее выйти, но она почему-то никак не выходила и продолжала стоять у окна с испуганными глазами. То я видела эту девочку со стороны, то мне казалось, что эта девочка – я.

Проснулась я с тяжелой головой и решила не ходить в школу. До самого обеда я мучилась от мигрени дома. Обезболивающее не помогло, и я решила выйти погулять. Пройдя мимо охранника в подъезде, я толкнула дверь, но сделала это слишком слабо и не успела выйти, прежде чем тугая новая дверь прихлопнула мне спину.

Я ругнулась про себя, потеряла спину и села на лавочку возле дома.

«Дверь, – вдруг осенило меня, – почему Борис не побежал к двери? Ведь это логично: если даже у него случайно упала банка с растворителем, даже если случайно упала в лужу с растворителем зажженная сигарета, то он должен был побежать к двери, открыть ее, звать на помощь. Почему он полез на подоконник? Хотел открыть окно? Но ведь он сам получил ожоги, у него горели волосы, он должен был побежать хотя бы в ванную...»

Я встала и пошла по широкому тротуару вдоль оживленного проспекта. Потом свернула в другой двор и села на качели. На площадке двое мальчишек бегали по горке, не давая третьему с нее спрыгнуть.

«Ему мешали выйти из комнаты, – пришло мне в голову объяснение, – или дверь закрыли снаружи, чтобы он не мог выбраться. Увидели, что он загорелся, и решили закрыть

дверь. Может, подперли шваброй или стулом. А может и на ключ. Если Борис снимал комнату в коммунальной квартире, то там каждая комната закрывается на ключ. Но кто это мог быть? Кому мог помешать этот Борис? И почему его кисть оказалась у Ксении?..

Тут мне в голову пришли совсем уж нелепые мысли, и я попыталась их отогнать.

Но мой внутренний голос продолжал твердить: «А что ты знаешь об этой Ксении?»

В июне Ксения тоже лежала в больнице, как мне рассказывала медсестра. И в июне выпал из окна Борис. Его кисточка оказалась у Ксении. Через несколько месяцев она вновь оказалась в больнице, потом из нее исчезла, и через неделю после этого ее мать выпала из окна. Получался какой-то триллер. И там, и там – падение с пятого этажа.

«Не могла худенькая девочка со слабым здоровьем все это проделать, – сказала я себе, – или... могла? С матерью все понятно: их с Деном детство было несладким. А чем ей не угодил Борис?.. Как-то ее обидел?»

Тут мне стало жутковато: на плохо освещенной площадке я осталась одна. Я поспешила выйти через арку на освещенный проспект и направилась к своему дому. Мне очень хотелось поделиться хоть с кем-нибудь всей этой историей. Может, кто-то подсказал бы мне, что делать дальше. Андрея, похоже, уже не очень волновало, куда пропала его сестра. Он вовсю пудрит мозги моей подруге Лере. Лерка на седьмом

небе от счастья.

А может, рассказать сразу им обоим? Тогда и Андрей вернется мыслями к тому, зачем он вообще приехал в Петербург, и Лерка поостынет. И я получу чье-то мнение. Постоянно думать о погибшем Борисе больше не было никаких сил.

Я набрала номер Леры и договорилась встретиться с ними обоими. Лерка предложила кафе в центре города.

«Вот и отлично», – обрадовалась я и пошла к дому.

Дома я приняла горячую ванну с ароматной пеной, и жизнь сразу показалась очень даже неплохой. Я мысленно выстраивала свой рассказ, чтобы поведать о своем расследовании во всех подробностях Андрею и Лерке. И получалось так, что в конце этого повествования я каждый раз выставляла Ксению в очень невыгодном свете. Как будто намекаю, что подозреваю сестру Андрея в убийстве, а то и в двух убийствах. Даже если непредумышленных. Ведь вполне может быть, что свою маму она толкнула из окна случайно, а потом испугалась. И именно поэтому она теперь скрывается.

Я вздохнула и написала в соцсети Еве: «Ева, а где жил Борис в Петербурге?» Нажав кнопку «Отправить», я стала ждать. Ответ пришел через минуту.

«Зачем это тебе?» – спрашивала моя новая знакомая.

Я стала набирать текст, но не могла подобрать нужных и правдоподобных слов. Из ванной меня позвала мама. Я отложила телефон и пошла участвовать в семейном совете на

тему «Как повесить новое зеркало». Обсуждение затянулось на полчаса, потом мы всей семьей смотрели на сайтах варианты новых обоев в прихожую, и я с удовольствием окунулась в эти приятные хлопоты.

Только утром я увидела краткое сообщение от Евы с адресом. Я забила адрес в Интернете и поняла, что ехать мне придется в район, где я ни разу не была. Было бы идеальным взять в поездку Леру, но ей сейчас не до чужих смертей и расследований.

Глава 11

После обеда я стояла возле метро «Обухово», совершенно растерянная. Вид местности открывался довольно неприглядный. Очень хотелось развернуться и ехать домой. Но я вздохнула и пошла к дому, где последний год своей жизни снимал комнату Борис.

Чем дальше я продвигалась, тем страшнее мне становилось. На улицах было малолюдно. Вокруг – мост, серые дома, дорога. Я вышла к заросшему зеленому старому детскому садику, и мне стало совсем тоскливо. Было видно, что когда-то здесь кипела жизнь. А сейчас только высокие деревья качались на ветру над полуразрушенным зданием. Где-то в зарослях виднелись остатки деревянного домика и песочницы. Местность навевала грустные мысли.

«Интересно, где черпал вдохновение Борис, живя в таком месте? – подумалось мне, – хотя... может, он как раз писал такие же тоскливые картины...»

Я нашла нужный дом. Домофона на двери не было, и я спокойно вошла и поднялась на пятый этаж. На лестнице гремела ведром уборщица, и от того, что рядом обнаружилась еще человеческая душа, я почувствовала себя чуть увереннее.

Дверь мне открыл невысокий человек с восточной внешностью.

А я вдруг поняла, что совершенно не продумала, что буду говорить здесь бывшим соседям Бориса, чтобы узнать какую-то информацию. Но поворачивать назад было уже поздно.

– Здравствуйте, а можно Бориса? – тихо спросила я, отступив немного назад под его нагловатым оценивающим взглядом.

– У нас есть Борис? – с акцентом крикнул куда-то в недра квартиры человек.

Из квартиры послышалась какая-то речь вперемешку на русском и еще каком-то языке. Все это сопровождалось смехом.

– Проходи, найдем тебе Бориса, – улыбнулся человек, жестом приглашая меня войти.

Я еще дальше отступила назад и, почувствовав, на спине чью-то руку, закричала от страха.

– Да не ори ты, – зло сказал мне низкий женский голос, – упадешь сейчас с лестницы.

Я обернулась и увидела уборщицу в повязанной до глаз грязно-розовой косынке.

– Уймись, Нияз, сказала же девчонка, что Бориса ищет, – рывкнула уборщица, – пойдем, расскажу тебе, где Борис, – уже тише сказала она мне и взяла меня под локоть.

Мы вышли из подъезда под перекрикивания Нияза и женщины.

– Ты что сюда пришла-то, да еще одна? Понимаешь, от

чего я тебя сейчас спасла? – грозно стала отчитывать меня женщина, когда мы оказались на улице.

– Да... спасибо, – пробормотала я. Мне было уже не до расследований: хотелось бежать к метро и никогда больше сюда не возвращаться. Я обернулась, пытаюсь понять, куда двигаться, и пошла быстрым шагом.

– Подожди! – услышала я голос уборщицы, – тебе ж Борис был нужен.

– А вы его знаете? – спросила я на расстоянии.

– Знала, – громко проворчала женщина. – Пойдем вон туда на лавочку.

Я, оглядываясь, зажав в руке самый большой и острый ключ, пошла в указанном направлении.

– Он кто тебе будет-то? – спросила женщина, усаживаясь на лавочку и держась за поясицу, – ох, устала я, – тут же добавила она.

– Он – моя первая любовь, – привычно соврала я.

– Да? – с сомнением посмотрела на меня уборщица, – ну, раз так...

В последующие несколько минут она рассказала мне то же самое о смерти Бориса, что пару дней назад поведала Ева.

– А вы уверены, что это был несчастный случай? – спросила я осторожно.

– Ну, милая моя, – протянула женщина, – ты видишь, где он жил. Здесь ни в чем нельзя быть уверенной. Но дело закрыли, и ладно.

– А... вы не знаете, к нему не приходила девушка лет шестнадцати? По имени Ксения...

– Вот вы дурехи, девки, – рассмеялась женщина, – все у вас одно на уме. Парня нет уже, а ты ревнуешь. Не ходили к нему девушки. Будь спокойна за свою первую любовь. Будут еще у тебя любви, молодая совсем.

– Совсем никто не ходил к нему? – вновь спросила я.

– Да никто, он вообще какой-то дикий был. Хотя... пару раз я видела мужчину. Такой элегантный, как будто вообще из другого мира. Среднего возраста. Костюм, пальто прям как у графа, сигареты дорогие бросал на улице, паршивец. Морщился брезгливо, как будто на свалку приехал. Прическа такая, как у Элвиса Пресли. Хотя ты такого певца не знаешь, он умер давно. У вас сейчас певцы такие, что не поймешь, мальчик или девочка, сказала женщина со смешком, неопределенно повертев в воздухе рукой.

– Этот мужчина ходил к Борису? – с сомнением спросила я.

– Ну не к Ниязу же, – хохотнула женщина, – может, какой-то заказчик, Бориска же вроде художником был. А у них там в их мире все необычные, не знаешь, что в их головах творится. Вон Бориска сперва в одном пожаре уцелел, так после этого не сбежал, а в этом же доме поселился, только в другой квартире. И ведь правду говорят: кому суждено сгореть, тот не утонет. Все равно сгорел. И картины его тоже.

– В каком пожаре он сперва уцелел? – не поняла я.

– Да, зимой он в другой квартире жил, и тоже в этот доме. Соседи его по квартире выпить любили. Один заснул с зажженной сигаретой, пожар случился. Тот угорел, а Бориски дома не было, повезло. Зато все его картины сгорели. Он через стенку жил с тем пьяницей. А стены-то здесь картонные. Как он убивался по этим своим картинам... ходил чернее тучи. А вот видишь, один раз сберегся, а второй – нет.

– А после того раза он переехал?

– А потом снял жилье в этом же доме. Говорит, здесь вид из окна вдохновляет. Такой же, как в его родном городе был в детстве. А что тут за вид?... Качели сломанные, разрушенная площадка, заводская труба торчит над домами. Вот и говорю, странные эти художники. Причем, понимаешь, он же не комнату снял, а всю квартиру. Чтобы, говорит, больше его творчество не пострадало от соседей. Вот какой смысл? На эти деньги он мог в центре снять нормальную однушку или даже двушку. Странные...

– Да, действительно... – пробормотала я. – Ну, если вдохновение у него здесь, то что же поделаться... а откуда у него были деньги, чтобы снять всю квартиру? Он хорошо зарабатывал?

– Вот уж не знаю, я чужие деньги не считаю. Может, были еще такие же странные, кто покупал эту тоску в рамках. Видела я как-то раз его рисунки мельком, которые уцелели. Он как раз переезжал. Какие-то серые дома, облезлые стены... и куча набросков одного и то же старого дома, таких в центре

города навалом. Вот я бы, если бы художником была, одни цветы рисовала бы, – мечтательно добавила женщина, снимая свою косынку и вертя головой.

– Спасибо, – задумчиво проговорила я.

– Ты меня подожди, вместе к метро пойдем, если боишься. Я уже закончила.

Я с благодарностью согласилась. Возле метро женщина свернула в сторону железнодорожной платформы, помахав мне на прощание.

Опустившись на скамейку в поезде, я, наконец, почувствовала себя в безопасности и выдохнула. Хотелось поскорее доехать до дома, свернуться калачиком у телевизора и посмотреть какой-нибудь светлый фильм со счастливым концом.

Я пообещала себе это осуществить в ближайшем будущем, а сама полезла в Интернет, набрала в поиске «Элвис Пресли» и полистала фото. Да, прическа необычная, но сейчас что только себе не сооружают на голове и девушки, и мужчины. Разве что экспериментируют в основном молодые, а мужчина, приходивший к Борису, был среднего возраста...

Устав от размышлений, я задремала и проехала свою станцию. Пришлось выходить на «Приморской», ехать обратно, пересаживаться. Домой я добралась страшно усталой, отказалась от ужина и завалилась спать. Сны мне снились на удивление светлые и позитивные: дети в том самом заброшенном садике в Обухово собирали одуванчики, плели вен-

ки и счастливо бежали к пришедшим за ними мамам. В верхушках высоких тополей светило солнце, а с ветки на ветку прыгали воробьи и радостно чирикали.

Глава 12

Проснулась я с мыслями, что все обязательно будет хорошо.

После школы, где перед каникулами учебной нас уже не особо напрягали, я помыла голову, накрутила волосы на бигуди, красиво их уложила, накрасилась и нарядно оделась.

«Сегодня я пойду в кафе с Леркой, – напутствовала себя я, – там встретимся с ЕЕ парнем, мы съедем вкусное мороженое, а потом я расскажу им о своем расследовании. И пусть дальше ломает голову Андрей, а помогает ему в этом Лерка. А я буду смотреть веселые фильмы, наслаждаться жизнью, делать ремонт в нашей новой квартире и общаться с семьей».

– Майя, какая ты красивая! – воскликнула Лерка, когда мы встретились с ней на остановке.

– Спасибо, – улыбнулась я, – что-то сегодня такое настроение, – но ты все равно красивее!

Лера покрутилась перед стеклянной стеной на остановке, задумчиво оглядев себя, и вроде тоже осталась довольна. К месту встречи с Андреем мы опоздали на пять минут. Лерка сразу побежала к своему другу и чмокнула его в губы. Увидев это, я остановилась в удивлении.

«Что же, все логично, – сказала я себе, – иди и делай вид, что все в порядке».

Андрей, похоже, тоже удивился этому поцелую, но не по-

дал вида. Потом он заметил меня и как будто остолбенел.

А я стояла, чувствуя себя ужасно глупо в ярком пальто, с уложенными волосами и слоем косметики на лице.

«Ну и что ты вырядилась?» – зло сказала я себе, попыталась убрать волосы под воротник и незаметно стереть с губ помаду. Конечно, жалкие старания не увенчались успехом, и я под взглядами еще нескольких посетителей кафе прошла и села за дальний столик, попытавшись задвинуться за горшок с пальмой. Лерка взяла за руку все еще находящегося в ступоре Андрея и поспешила за мной.

Мы ели мороженое. Лерка выглядела счастливой, еще больше болтала, чем обычно, как будто стараясь все-таки переключить внимание Андрея на себя. Андрей сидел понурый, а мне хотелось поскорее уйти.

После кафе Лера потянула всех в кино, а я «вспомнила», что мне срочно необходимо зайти в книжный магазин и долго искать там очень нужную книгу. Андрей предложил помочь мне в поисках, но я наотрез оказалась на радость Лерке. Мы расстались на проспекте и пошли в разные стороны. Я старалась не оглядываться и поскорее оказаться подальше от этой парочки. Естественно, про разговор о моих расследованиях я забыла.

Я немного побродила по городу, любясь всегда нарядными фасадами. Спускаться в метро мне категорически не хотелось. Я вспомнила, что где-то неподалеку находится конечная остановка автобуса, который едет из центра города пря-

мо до моего дома и пошла в выбранном направлении, сверяясь с навигатором в телефоне.

Скоро на пути моего следования возник дом, обходить который не хотелось: уже накрапывал дождь.

В доме была арка. В надежде, что дальше будет еще одна арка, и я выйду, наконец, на нужную мне улицу, я шагнула туда и чуть не налетела на темную фигуру. В ужасе отшатнувшись, я поняла, что испугалась зря: передо мной стоял мальчик и увлеченно что-то рисовал на холсте, прикрепленном к мольберту. Я машинально заглянула за его спину. Ничего особенного: на рисунке был дом, который стоял наяву и передо мной. Половина арки открывала старый слегка облезлый фасад, далее вдалеке следовала еще одна арка, за которой виднелся еще один дом.

«Кто поймет этих художников, – подумала я. На проспекте куда красивее, чем в этом дворе. Да и погода сегодня дождливая, еще и сумерки...»

Пройдя через две арки, я поняла, что дальше – тупик, и значит, мне придется все-таки обходить дом. Я раздраженно промычала и пошла назад. Боковым зрением я увидела, как недалеко от арки остановилась машина, и недавно рисовавший художник поспешил к ней с уже сложенным мольбертом. Когда я уже вышла на проспект, окно машины открылось, рука выбросила на дорогу сигарету. А в окне я увидела голову с черной глянцевой высокой прической. По мне скользнул равнодушный взгляд мужчины среднего возраста

с высоко поднятым воротом пальто. Я машинально прошла несколько шагов к машине, уставилась в ее окна и увидела то, что поразило меня еще больше: недавно севший на заднее сиденье «мальчик» снял шапку, и по его спине рассыпалась копна длинных русых волос. Вглядевшись в лицо «мальчика», я различила черты, которые видела на каждой расклеенной мною листовке: в машине сидела Ксения.

Я набрала в рот воздуха, чтобы что-нибудь крикнуть, но машина сорвалась с места и быстро скрылась в общем потоке проспекта. Я пробежала несколько десятков метров, пока чья-то рука не остановила меня перед красным сигналом светофора на пересекающей проспект улице.

Придя в себя, я ойкнула, поблагодарила заботливого прохожего и вошла в первое попавшееся кафе, стараясь унять бешено стучащее сердце. Я достала телефон, понажимала кнопки, сбросила, убрала в сумку. Закрыв глаза, постаралась вспомнить номера и цвет машины, но это занятие не увенчалось успехом.

«Нужно идти в полицию, – сказала я себе. – Хватит бесцельно бегать. Даже если Ксения – убийца, пусть ее ищут специальные органы. Я ничем не предам Дена, если расскажу полиции все, что узнала. Я не очерню зря его сестру, если и у нее и так рыльце в пушку».

Я заказала сок и снова вспомнила недавнюю картину. Мальчик, который оказался девочкой, сам сел в машину. Добровольно. Его, то есть ее никто туда не затаскивал.

От сока мне сделалось еще холоднее, еще больше захотелось домой.

Я все-таки нашла нужную мне остановку и почти с комфортом доехала до дома, усевшись на сидение над печкой.

Дома я закрутила свои некогда роскошные волосы в тугой пучок на макушке и около тридцати минут с наслаждением отогревалась в ванной, попутно смывая с себя остатки растекшегося под дождем мейк-апа. Мысли путались, в голове был полнейший беспорядок, и мне захотелось вообще забыть о своем расследовании.

Я высушилась, а потом взялась помогать папе клеить обои в прихожей, слушая, как он мурлычет под нос какую-то веселую песенку. Затем помыла полы, осмотрела результаты нашей деятельности и осталась очень довольна.

«Хоть в чем-то есть смысл моего существования», – уверила я себя и пошла спать.

Глава 13

Следующий день я продолжала игнорировать рвавшиеся мысли о расследовании и о Ксении, пока не заехала в больницу отдать маме забытый ею контейнер с обедом.

В этот день похолодало, даже немного подморозило. Я шла от здания больницы к остановке и вдруг увидела рыжую собаку, которую когда-то прикормила Ксения. Собака переминалась с лапы на лапу: было видно, что она замерзла.

Я подошла и присела на корточки.

– Пойдешь со мной? – спросила я.

Собака неуверенно мотнула головой.

– Не хочешь?.. Ждешь ее?

Собака вновь мотнула головой, но как будто уже утвердительно.

– Слушай... скоро зима... а я не знаю, найдется ли вообще твоя Ксюша.

Собака, услышав это имя, тихо заскулила.

– Понимаешь, я ее ищу, как могу, – доверительно стала я рассказывать псу, – у меня даже в кармане есть ее кисточка.

Я достала из кармана куртки кисть, вытащила из пакета и показала собаке. Та понюхала, завилыла хвостом и снова заскулила.

– Пойдешь со мной? – снова спросила я и направилась к выходу.

Обернувшись, я увидела, что пес неуверенно следует за мной, и обрадовалась.

– Только на автобус нас могут не пустить, так что пойдем пешком.

Собака согласилась.

По дороге я зашла в магазин, купила шампунь для собак, корм, ошейник и поводок.

– Я буду звать тебя Рыжиком, если ты не против, – сообщила я собаке, когда мы подходили к дому.

До прихода папы с работы я поспешила помыть Рыжика, расчесать и накормить, чтобы он выглядел максимально благонадежным в глазах домашних.

Постелив ему в прихожей три слоя утеплителя, я сообщила, что теперь здесь будет его место. Рыжик смиренно согласился.

Вернувшись папе я сказала, что взяла Рыжика на передержку, на время отъезда его хозяев. Папа с сомнением покосился на нового, хоть и временно соседа.

– Не знаю, как воспримет его Зевс, – озвучил папа мои сомнения. – Мы же не сможем его оставлять на выходные здесь одного. А Зевс ненавидит собак, если ты помнишь. Или ты больше не будешь ездить к бабушке и деду на выходные?

– Пап, ну я же говорю, это временно. У него есть хозяйка, – успокоила я папу.

Гулять с собакой я приноровилась относительно быстро, хотя Рыжику и не нравилось ходить на поводке. Побегать

волю я отпустила его на находящемся рядом с нашим домом пустыре, а чтобы не пересекаться с другими собаками, решила ходить туда рано утром.

Мои домашние не особо верили, что у Рыжика есть хозяйка и что он у нас временно, а я старалась эту тему обходить. Понятное дело, что на выходных я осталась с Рыжиком одна дома, чтобы не травмировать тонкую психику проживающего у бабушки кота Зевса.

Надо отметить, что я даже была рада остаться дома: я изрядно устала за последнее время от своих расследований и поездок по городу. Накануне я еще раз приехала в то место, где встретила рисующую девушку в надежде, что это действительно была Ксения. Но больше ее там не увидела. Зато на меня стали обращать внимание жильцы дома, подозрительно смотря из окон. Это было понятно: одно дело рисующий художник с мольбертом: видно, что он занят делом. А вот что там делала я, топтавшаяся во дворе несколько часов, это был для жителей вопрос.

Воскресенье выдалось теплым, и мы с Рыжиком с удовольствием бегали на пустыре за палкой. Я уже чувствовала, что мне будет жаль расстаться с собакой, когда объявится Ксения. О своих мыслях по поводу Ксении, Бориса и мужчины с прической Элвиса Пресли я собиралась рассказать Вячеславу Олеговичу, мужу няни Андрея, как только он придет из Севастополя в отпуск, чтобы вновь контролировать расследование.

Зазвонил телефон, и я увидела на экране «Сашка». Кто такой Сашка, я никак не могла вспомнить и в недоумении ответила на звонок.

– Майка! – прокричал телефон еще более необычным голосом, – привет!

Из уголков моей памяти стали всплывать воспоминания недавнего прошлого: Крым, Севастополь, моя работа в кафе под чужим именем, Марианна...

– Марианна? – с сомнением спросила я.

– Да! Ты меня узнала! Круто! – кричал мой телефон.

– А... ты откуда звонишь?

– Я в Питере! – радостно кричала Марианна, – Я приехала по адресу, который был у тебя в паспорте. Ну ты же помнишь, что мы с тобой менялись паспортами. Ну так вот, я приехала, а тут мальчик из соседней квартиры говорит, что ты больше здесь не живешь, представляешь?

Пока Марианна тараторила, до меня дошло, кто такой Сашка. Это сын тети Марины, маминой подруги, жившей по соседству много лет. В той квартире выросла моя мама, потом мы там жили всей семьей, пока мне не исполнилось девять лет. Потом мы на время переехали в Москву, а затем, когда семья воссоединилась, продали квартиру и купили жилье побольше здесь.

– Тут вот мальчик не хочет давать твой новый адрес, скажи ему, что я твоя подруга! – возмущенно кричала в трубку Марианна.

Я вздохнула.

– Хорошо, передай телефон Сашке.

Глава 14

Через час мы с Марианной сидели на лавочке в соседнем дворе. Моя крымская подруга еще больше похорошела и рассказывала с горящими глазами о том, как ей нравится Петербург.

Я кивала и соглашалась, все еще находясь в замешательстве от нереальности происходящего.

– Так ты согласна? – радостно воскликнула Марианна в завершение своего эмоционального повествования.

– С чем? – на всякий случай переспросила я.

– Чтобы я у тебя пожила пару недель!

– Эээм, – промычала я, – а тебе больше негде жить?

– Да я же говорю, всего на пару недель. Потом мы с сестрой купим квартиру, и я сразу съеду.

– Вы с сестрой?.. А у вас есть деньги на покупку квартиры? – с сомнением спросила я.

– Ну, или снимем квартиру, – в нетерпении поправила Марианна.

– А почему нельзя ее сразу снять? – не поняла я.

– Я же говорю, мне нужно кое-что уладить. Я не могу сразу поехать к Финке.

– А твоя сестра живет в Петербурге?

– Да, она тут с сентября, работает парикмахером. А я хочу учиться в танцевальной студии, поэтому решила жить в

Петербурге.

– Так. Марианна. – Я встала со скамейки. – Либо ты рассказываешь все по порядку и честно, либо не рассчитывай, что я пушу тебя к себе пожить. Расстались мы, как ты помнишь, при весьма странных обстоятельствах.

– Ой, кто бы говорил! А твои обстоятельства были не странные? – съязвила Марианна, а я встала, попрощалась и пошла к дому.

– Майя! – услышала я за спиной. – Подожди, пожалуйста, – уже жалобно попросила Марианна, потом догнала меня и сунула мне под глаза телефон.

На экране девушка в красном танцевала латиноамериканский танец. Танцевала она очень выразительно и артистично. У танцовщицы была хорошая пластика. Танец завораживал и призывал двигаться в такт музыки. Я узнала лицо Марианны.

– Это ты? – с сомнением спросила я.

– Ну а кто же еще? – обиженно воскликнула Марианна. – Я хочу танцевать. Я это умею и хочу. Только в моем поселке мне от этого ни жарко, ни холодно. Я же не в Петербурге живу. Это у тебя здесь все возможности. А у нас единственная перспектива – педагогический институт в соседнем городе, о котором ты вряд ли даже слышала. И кем мне там быть? Мозгов мне бог не дал.

Я вежливо попыталась возразить, но Марианна в ответ только махнула рукой.

– Не надо, я и так все про себя знаю, – сказала она горько. – Я видела, как «устраивались» в жизни одноклассницы моей старшей сестры после школы. Если мозгов нет, то одна дорога: на завод. А я на завод не хочу, я хочу танцевать. Или еще есть у нас вариант: выйти замуж и рожать детей одного за другим. Ты представляешь, как я отношусь к маленьким детям после того, как вынянчила своих двух младших сестер и одного брата? Я все свое детство ходила в няньках. Я не хочу зарывать свой талант в землю. Хочу учиться в лучшей танцевальной студии здесь, в Петербурге. Это мой единственный шанс, понимаешь?

Марианна рассказывала мне это, и в ее глазах я видела слезы. Не знаю, насколько искренни они были, но мне стало ее жаль.

– Только обещай, что это будут ровно две недели, – сказала я, еще не веря, что оказалась такой мягкотелой.

– Клянусь! – радостно заверила Марианна. – Я все умею: готовить, убирать, я все буду делать, буду вашей рабыней.

– Вот этого не надо, – заверила я, вздохнув, – хотя бы не втягивай меня и мою семью в сомнительные дела, этого будет достаточно.

– Клянусь! – воскликнула Марианна. – Я тогда поеду за сумкой, она в камере хранения на вокзале. Через час приеду!

Я согласилась и пошла обустроить место ночлега для своей сомнительной подруги, попутно пытаюсь придумать убедительную речь для своей семьи.

«Сначала Рыжик, теперь Марианна, – рассеянно думала я, – скоро меня саму выгонят из дома».

Дома я вытащила из кладовки надувной матрас, насос и соорудила для своей крымской подруги спальное место.

Рассказать о нашей гостье я решила с помощью сообщения на телефон маме. Наша переписка длилась около тридцати минут, но увенчалась успехом: моим и Марианны.

Затем я вытащила из морозилки мясо, разморозила его, начистила картошки и приготовила картофельные пирожки по рецепту тети Тони, у которой я летом работала в кафе. Сбегала в магазин за сметаной и овощами, соорудила салат.

Когда приехала моя семья, на кухне их ждал накрытый к ужину стол. Мама поздоровалась с Марианной и ничем не выдала своего отношения к неожиданной гостье.

Лицо Марианны при виде моего брата Димки растянулось в улыбку во весь рот, и к ужину наша гостья вышла с накрашенными ярко-красными губами и сильно декольтированной футболке, из которой чуть не вываливалась ее пышная грудь. Марианна преподнесла к столу сувенирную коробку с крымскими сладостями, а потом всячески пыталась ухаживать за Димкой, рассказывая, что главное в жизни женщины – это вкусно накормить своего мужчину. Мама и папа прятали глаза, стараясь сдерживать смех, а Димка краснел и злился.

После ужина Димка придержал меня за руку, когда я проходила мимо него в прихожей.

– Это что, тоже на передержку? – злобно прошипел он, показывая глазами на мою комнату.

– Потерпи, всего на пару недель, – умоляюще посмотрела я на брата.

Димка хмыкнул, зашел в свою комнату и плотно закрыл дверь.

Глава 15

На следующий день Марианна с утра уехала по каким-то своим делам, а я слонялась по дому в размышлениях «звонить или не звонить Вячеславу Олеговичу». С одной стороны, я обязана позвонить и рассказать, что видела с большой долей вероятности Ксению тогда в машине на проспекте. А еще рассказать про этого мужчину со странной прической и про Бориса Тикко.

С другой же стороны, Ксения села в машину добровольно. Значит, никто ее нигде не удерживает, она сама сбежала из больницы и где-то скрывается. Значит, она не хочет, чтобы над ней Полина оформляла попечительство, не хочет уезжать в Крым. Если я ее выдам, то, получается, в какой-то степени предам Дена, ведь это он хотел забрать ее из детского дома, когда вернется из армии.

Но ведь Ксения может все сказать словами, она имеет право отказаться, зачем же сбегать? Зачем мучить людей, которые хотят ей только хорошего?..

Было бы идеально мне самой ее найти и задать ей эти вопросы. Только где ее искать? Или поговорить бы хоть с кем-то о Ксении и моем расследовании, вот только с кем? Лерка все свое время проводила с Андреем: похоже, их роман набирал обороты.

Я задумчиво стояла у окна и смотрела, как кружатся на

ветру опадающие листья. Тут к дому подъехало такси, из него вышла Марианна с каким-то крупным мужчиной. Через пару минут в дверь позвонили, я посмотрела в глазок и открыла дверь. Марианна зашла в прихожую, села на стул и устало откинула голову назад.

– Ты одна? – спросила я.

– Конечно, – удивилась моя гостья, – а с кем я должна быть?

– Ну из такси ты вышла с каким-то мужчиной.

– А, это мой охранник, – махнула рукой Марианна, – он поехал домой.

– Охранник? – удивленно переспросила я, – а кого он охраняет?

– Меня, – засмеялась Марианна.

– А есть от кого? – строго спросила я.

– Да нет, это на всякий случай, – улыбнулась моя гостья и стала, напевая, снимать кроссовки.

Тут я заметила рядом с ее ногами сумку. Какое-то смутное чувство зашевелилось во мне.

«Где-то я раньше видела эту сумку», – подумала я и тут же вспомнила. Темная южная ночь, мы вдвоем в чужом кабриолете, а рядом со мной на заднем сидении – сумка. Я говорю об этом девчонкам, мы убегаем, потом Марианна возвращается, говоря, что забыла в машине телефон. Из-за этой сумки ее заманили потом на чужую яхту, а затем и нас с Леркой тоже.

– Что в этой сумке, Марианна? – строго спросила я.

– В какой? – переспросила Марианна.

– Я сейчас позвоню в полицию, – сказала я и взяла телефон.

– Майя, ты что, с ума сошла? – испуганно воскликнула Марианна – обычная сумка, там мои вещи.

– Эта сумка была в машине. Ты ее украла. Из-за этой сумки нас заманили на яхту там, в Севастополе!

– Да это вообще другая сумка, ты же ее видела-то в темноте.

– Мы как раз остановились под фонарем в ту ночь. Я ее очень даже хорошо видела.

Марианна вздохнула.

– Ладно, – сказала она. – Если хочешь, я могу прямо завтра уйти.

– Что в сумке?! – рявкнула я.

– Пойдем, покажу, – сказала, вздыхая, Марианна.

Мы прошли в мою комнату, она расстегнула сумку и стала вытаскивать из нее прямоугольные пакеты. В пакетах лежали картины. Ничего особенного на них не было изображено: на двух – натюрморты с фруктами и посудой, еще четыре – с какой-то абстракцией.

– Что это за картины? – удивилась я. – Чьи они?

– Я не запомнила. Каких-то известных художников, что я разбираюсь в них, что ли? Сказали, что они дорогие, каждая по миллиону, а то и больше.

– Ничего себе... а кто тебе это сказал?

– Мужик, который в этом разбирается. У моей сестры новый ухажер, вот он нашел другого мужика, а тот организовал встречу с еще одним...

– Откуда у вас такие знакомства? – снова удивилась я.

– Да это не у нас. Это Артем, ухажер сестры, он работает курьером в супермаркете, доставляет продукты на дом. Вот он ездит к одному старичку – коллекционеру. У этого старичка квартира, полная картин, всяких ваз и прочего хлама. Дорогого хлама, за который всякие ненормальные отдают бешеные деньги. Вот я попросила его узнать, сколько могут стоить эти картины и кому их можно продать.

– Эти картины были в сумке, которую ты украла?

– Ой, ну ладно тебе! Украла. Украсть у вора – не стыдно. Климов явно их тоже украл у другого вора и хотел продать, чтобы купить свой ресторан в Ялте. Поэтому он так и психовал, когда потерял эту сумку. Его подельник, видимо, картины куда-то вез, да не довез, с нами связался. Сам виноват.

– Но это все равно незаконно!

– Хорошо, а кому тогда я должна их вернуть? Откуда я знаю, у кого эти картины были украдены? Что мне их, в полицию нести?

– Ну хотя бы туда.

– Да вот еще, – возмутилась Марианна. – И так у меня столько хлопот, чтобы их продать. Я-то думала, что в сумке деньги...

– Зачем тебе столько денег?

– Ну я же тебе рассказывала, – устало сказала Марианна. – Я хочу учиться в танцевальной школе. А она не бесплатная. Для этого мне нужно где-то жить. Я договорилась со своей сестрой, что если она поможет мне продать эти картинки и договорится с мамой, что я буду жить с ней в Питере, то она отдаст меня в эту школу. Я же несовершеннолетняя, не могу сама за себя заплатить и оформить договор со школой. Мы с сестрой продадим картины, купим комнату в коммуналке или маленькую квартиру, будем жить в Питере, а я буду учиться в школе танцев. И мне хорошо, и ей. Ей не придется больше снимать жилье.

– Ну ты и авантюристка, – протянула я потрясенно.

– От авантюристки слышу, – парировала Марианна.

– Но тебя же найдут люди Климова.

– Климову и его людям предстоит много лет сидеть в тюрьме, никто меня не найдет.

– Но это же воровство! – не успокаивалась я.

– Ой, да хватит тебе. Ну какой толк в этих картинках? Висеть на стене? Так кому нужно, тот купит и повесит. А я выучусь, стану известной на весь мир танцовщицей, создам свой ансамбль, и даже свою школу. Прямо в своем поселке построю школу танцев имени Марианны Пеньковой. И на моей школе повесят табличку: «Здесь училась почетная жительница поселка Марианна Пенькова». И все в поселке будут называть меня по имени-отчеству, «Марианна Федоров-

на», а не как сейчас, «Марианка – засран...»

– Марианна! – перебила я ее. – Хватит. Я ничего не хочу об этом знать, серьезно. Постарайся как можно скорее решить вопрос с жильем.

Но Марианну уже было не остановить.

– Понимаешь, Майя, я дам шанс таким же девчонкам моего поселка, как и я, почувствовать, что они тоже чего-то стоят, что-то могут. Что есть и еще какая-то другая жизнь. Я даже уже продумала интерьер моей школы, хоть до этого мне еще, конечно, не скоро. А сегодня вообще была ржачка.

– Все, серьезно, не хочу ничего знать о твоих делах! – повторила я и пошла на кухню.

Марианна пошла за мной.

– Нет, правда, я тебе расскажу, это очень смешно, – не унималась она. – В общем, тот старичок организовал нам с сестрой встречу с мужиком, который разбирается в этой всей живописи и который подтвердил, что картины настоящие и обещал их купить.

Я демонстративно делала вид, что мне совершенно неинтересен рассказ, а Марианна продолжала говорить, хихикая.

– Так вот, пришли мы с сестрой на встречу в парк показывать картины и чуть не умерли от смеха.

Короче, была у нас прабабушка, очень старенькая и немного не в себе, что неудивительно в девяноста лет. Так вот, у нее над кроватью висел портрет молодого прадедушки в военной форме, а рядом – плакат мужика какого-то древ-

него. То есть на плакате он как раз молодой, такой смешной, какой-то иностранный певец: волосы уложены здоровой черной плямбой на голове и блестят.

– Элвис Пресли, что ли? – напряглась я.

– Точно! – обрадовалась Марианна моему интересу. – Мы с сестрой однажды на этом прабабушкином плакате подрисовали этому Элвису усы и три гнилых зуба. Так прабабушка за нами гонялась по всему двору и хлестала крапивой. Кричала, что мы «загубили любовь ее юности», представляешь? И вот мы приходим на встречу сегодня в тихое место в парке, все так серьезно, я даже охранника наняла. А там – прямо вот этот мужик с плаката. Я даже не знаю, как мы с сестрой выдержали и не засмеялись. Прямо вспомнилась та физиономия с пририсованными зубами.

Марианна стала хохотать.

– И что, вы еще с ним планируете встречаться? – с замиранием сердца спросила я.

– Ну да, мы привезем картины, а он – деньги.

– Понятно, – задумчиво протянула я. – Кстати, почему ты не у сестры остановилась?

– Так она может украсть картины, и не видать мне тогда школы танцев.

– Серьезно?

– Конечно! Знаешь, какая она хитрая... вот мы договорились, что когда мы продадим картины, тогда она заплатит за мое обучение за два года вперед и положит немного денег на

мой счет. Потом мы купим маленькую квартиру, а на оставшиеся деньги сестра купит или возьмет в аренду помещение для собственного салона красоты. Она у меня парикмахер, даже неплохой. Ну а пока она не выполнила эти условия, я ей не могу доверять. Поэтому у тебя и живу.

– Понятно, – сказала я деловито. – Давай так. Живи у меня три недели, но мне нужно знать, где найти этого мужчину, похожего на Элвиса Пресли.

– А зачем это тебе? – у Марианны упала от удивления нижняя челюсть.

– А может, мне тоже нравится Элвис Пресли. Это мой секрет, зачем он мне.

– Ну как же я его адрес узнаю? Он так шифруется... даже телефон свой не дал, мы договорились снова в парке встретиться.

– Тогда ты скажешь, когда вы договорились встретиться, и я тоже приду, но буду наблюдать издалека. А ты говорила, у твоей сестры ухажер – курьер супермаркета? Он за рулем?

– Ну да...

– Он сможет помочь мне проследить за этим мужчиной со странной прической?

– Ой, ну это я не знаю, – протянула Марианна. – Он же не спецгент, чтобы за кем-то следить...

– У меня есть немного денег от переводов, я могу ему заплатить.

– Ну давай я попробую поговорить с ним, – согласилась

Марианна. – А если у вас не получится за ним проследить, то я могу у тебя все равно пока остаться?

– Да, – ответила я. – Если не получится проследить, в этом я сама буду виновата.

В прихожей послышались голоса родителей, вернувшихся с работы, и мы свернули эту тему.

Глава 16

С Артемом, другом сестры Марианны, мы созвонились на следующий день.

– Да не вопрос, можем и проследить, – хохоча, ответил молодой человек. – Заодно узнаю, с кем это моя девушка встречается, – добавил он, видимо, имея в виду Жозефину.

Мы с Марианной изучили карту парка, где они договорились встретиться с покупателем картин, нашли расположенный недалеко от места встречи выход на проспект и решили, что припарковаться Артему лучше там. Потом я отправила принскрин экрана своему завтрашнему водителю и получила от него «ок». Взамен он прислал номер своей машины. Номер меня порадовал сочетанием цифр: «два, два, пять». Как дата моего рождения, двадцать второе мая.

«Будем надеяться, что это хороший знак», – подумала я.

Деньги за слежку Артем брать наотрез отказался.

Из дома я вышла на час раньше Марианны, доехала до парка и увидела машину Артема. Я шмыгнула на заднее сиденье, поздоровавшись, и сразу предложила кофе с бутербродами. Так мы провели около часа, болтая о последних городских новостях.

Без десяти десять перед нами притормозило такси, из него в сопровождении нанятого охранника вышла Марианна с большим пакетом в руке и стала ждать возле входа.

Еще через пять минут из другого такси показалась длинноногая девушка с платиновыми волосами в высоких сапогах на шпильках и красном пальто.

– Ээээх, – протянул Артем при виде девушки, и его взгляд показался мне почему-то грустным.

– Это Жозефина? – уточнила я.

– Она, – сказал мечтательно Артем.

Жозефина и Марианна с охранником двинулись к входу в парк, потом вдруг резко остановились. Жозефина вытащила из сумочки телефон, стала что-то говорить и оглядываться по сторонам. Потом все трое вместо того, чтобы войти в ворота, двинулись вдоль забора.

– Это что? Куда они идут? – взволнованно пробормотала я.

– За ними ехать? – уточнил Артем.

– Давай через полминуты, чтоб это не выглядело подозрительно.

Троица свернула за угол, и мы медленно поехали. За поворотом мы увидели, как вся группа подошла к припаркованному такси и села в него.

Артем притормозил, но не убирая руки с руля, стал смотреть на такси. Я тоже сидела в напряжении.

Прошло около десяти минут, троица вышла из машины. Теперь у Марианны не было в руках большого пакета, но ее куртка смешно выпирала на животе, и я поняла, что моя знакомая повесила на шею небольшую сумку, в которую поло-

жила деньги за картины.

Оглядываясь по сторонам, троица пошла через дорогу к кафе. Их лица были немного растерянными. Что ж, все понятно, покупатель картин поменял место встречи, чтобы обезопасить себя. В машине воротить такие дела куда надежнее.

Тем временем в конце проспекта загорелся зеленый свет, и такси двинулось вперед.

– Едем? – спросил Артем.

– Да – твердо ответила я, напрягая взгляд и стараясь не упустить из виду машину, за которой я организовала слежку.

Через пять минут, когда такси стояло перед перекрестком в потоке машин, ожидающих разрешающего сигнала светофора, дверь неожиданно открылась, и из нее вышел тот самый «Элвис» – так я уже мысленно нарекла мужчину с прической, как у звезды середины прошлого века. Элвис хлопнул дверью такси и направился вдоль пересекающей проспект улицы. На его плече висела большая черная матерчатая сумка. Руки он держал в карманах.

– Ну здравствуйте, – недовольно буркнул Артем.

Тут мы увидели, что Элвис подошел к другому припаркованному такси и сел в него.

Ругаясь себе под нос, Артем включил поворотник и свернул на эту же улицу. За нами недовольно просигналили другие автомобилисты.

– Да знаю я, знаю, – с досадой промычал Артем.

– Артем, спасибо, – пискнула я, – Непонятно, зачем он пересел в другое такси.

– Да все понятно, – пробормотал мой новый знакомый, – следы замечает.

В последующие двадцать минут Элвис еще два раза сменил такси. Артем каждый раз ругался какими-то обрывками слов, видимо, стараясь беречь мои уши.

– Сколько он такси-то навывывал себе? – ворчал он, но крепко держал руль, стараясь не упускать из виду перемещения Элвиса.

Вскоре мы повернули на шоссе и почти сразу же притормозили. Перед нами виднелась огромная пробка.

Артем достал свой телефон, понажимал кнопки, изучил экран и сказал: «Все, приехали. Впереди авария».

Я снова посмотрела в переднее стекло. Пробка не двигалась. Такси, в котором ехал Элвис, тоже стояло.

«Интересно, он будет сидеть, пока не будет возможности проехать? – подумала я, – наверняка где-то впереди его ждет очередное такси. Или какая-нибудь частная машина с замаскированными номерами...»

Мы посидели около пятнадцати минут. Вдруг дверь такси открылась, из нее вышел Элвис и как-то зло пошел к пешеходному переходу.

– Ну дальше мои профессиональные навыки бессильны, – извиняющимся тоном сказал Артем, – он, похоже, поедет назад, та полоса свободна. Наверное, вызвал другое такси.

– Артем спасибо тебе, – поспешно проговорила я, натянула шапку до глаз, спрятав волосы, и тоже выбежала из машины.

Дорогу я перебежала на мигающий «зеленый», ругая себя. Смотря вправо, не едет ли на меня машина, я вскочила на тротуар и чуть не упала, врезавшись прямо в спину Элвиса. От толчка он подался вперед, и из его рук выпал телефон.

– Ой, извините, пожалуйста, – испуганно воскликнула я, подняла с земли его телефон, потеряла его об куртку и протянула ему.

Элвис с каким-то прищуром внимательно глянул в мое лицо, как будто просканировав, потом достал из своего кармана платок, развернул его, взял рукой в платке свой телефон, завернул его и положил в карман. Затем сверкнул на меня глазами и что-то зло пробормотал. Все это длилось несколько секунд, но у меня было ощущение, что за это короткое время я как будто побывала на средневековом месте казни особо опасных преступников. Я стояла в оцепенении, бормоча извинения, а саму меня пронизывал холодный ужас. Зато теперь я была полностью уверена, что именно этого мужчину я видела в машине с Ксенией.

Хлопок дверцы автомобиля привел меня в чувства. Я помотала головой, поняла, что Элвис сел в какую-то заляпанную грязью машину с неразличимыми номерами. Автомобиль помчался вперед, а я поняла, что на этом мою слежку можно считать законченной.

На противоположной стороне шоссе вдруг началось движение, и машины медленно поехали вперед. Я собралась позвонить Артему, чтобы он где-нибудь притормозил и подождал меня, стала рыться в кармане в поисках телефона. И вдруг увидела на земле белый кусок бумаги. Подняв его, я поняла, что это магазинный чек. Возможно, он выпал из кармана Элвиса, когда он вытаскивал платок.

Я напрягла зрение.

«ООО «Усадьба», – было напечатано на чеке. Ниже шел короткий перечень купленных в магазине товаров.

«Минеральная вода – две штуки, хлебцы с помидорами и базиликом – две штуки», – прочитала я.

«Хлебцы с помидорами и базиликом», – пробормотала я вслух.

Такие хлебцы любила есть Ксения. А медсестра в больнице ее за это ругала.

«Он что, купил их для Ксении? – не верилось мне, – хотя это логично. Если она и ним ехала в одной машине, значит, он прекрасно знает, где она. А если он ей что-то покупает, значит, она точно пребывает где-то добровольно. Значит, я все равно не могу пойти в полицию, пока сама не поговорю с Ксенией».

Я достала телефон и загрузила карту. Мое местоположение меня не обрадовало: если верить экрану, я стояла за пределами города, а именно на юге Ленинградской области, и до ближайшей остановки автобуса в город мне нужно было

идти около двух километров. Артем, должно быть, уже уехал далеко вперед, и где-то остановиться в ожидании меня он не мог: впереди был въезд на кольцевую автодорогу. С неба начинали лететь крупные капли осеннего дождя.

Вздыхнув с горечью, я надвинула до глаз свою шапку, натянула капюшон и пошла к виднеющейся вдали остановке. Идти я старалась как можно менее изящно, мужским размашистым шагом, чтобы предупредить возможные приставания из проезжающих по шоссе машин.

Думать ни о чем не хотелось: хотелось поскорее добраться до своего дома, выпить горячего чая и завернуться в одеяло.

Ехать до дома пришлось только с одной пересадкой, что меня обрадовало: могло быть и хуже.

Глава 17

Увидев через три часа светящееся окно своей комнаты в осенних сумерках, я несказанно обрадовалась, и тут же с досадой простионала: дома меня ждала собака, которую нужно еще вывести погулять.

Я открыла дверь, и навстречу мне вышла Марианна.

– Майка, ну куда ты пропала? – причитала моя подруга, снимая с меня мокрую куртку, – я уже волнуюсь, думаю, что этот Элвис мог с тобой сделать. С Рыжиком я погуляла, чего собака будет мучиться и терпеть.

– Ой, спасибо, – обрадовалась я, понимая, что уже сейчас могу исполнить свою мечту в виде чая.

– Я борщ сварила, еще горячий, – прокричала с кухни Марианна.

Не веря своей удаче, я прошла на голос: над кастрюлей поднимался ароматный пар.

«И все-таки есть от нее польза», – с удовлетворением подумала я, грея руки под струей горячей воды из-под крана.

– А где ты научилась готовить борщ? – спросила я, облизывая ложку.

– Ну ты тоже скажешь, – удивилась Марианна, – у меня же трое младших дома. Я им и за няньку, и за кухарку была.

– Как же они теперь без тебя?

– Ничего, пусть Клепка принимает эстафету. Ей уже легче

будет только за двумя младшими смотреть. И готовить постепенно научится.

– А как вообще тебя мама отпустила в чужой город?

– Да я по-тихому сбежала, записку оставила. Ну а отсюда уже с родителями Жозефинка общалась, я пока не готова слушать их крики по телефону. Да там все нормально, как раз был первый день отпуска папы, они за месяц привыкнут без меня.

Наевшись и помыв посуду, я устроилась на своем диване с пледом. Рыжик лениво помахал мне хвостом со своей лежанки, а Марианна устроилась на полу и принялась чертить что-то в блокноте.

– Что рисуешь, бизнес-план? – спросила я с блаженной улыбкой, чувствуя, как согреваются мои ноги.

– Само собой, – озадаченно буркнула Марианна, – надо все продумать.

– Ты отдала сестре деньги? – спросила я.

– Нет, конечно, – изумленно протянула Марианна.

– В смысле? – подскочила я на диване, – ты хочешь сказать, что они у меня дома?

– Да нет, успокойся. Они в надежном месте.

– А они вообще не фальшивые? – подозрительно спросила я.

– Не-не, я проверяла, у меня с собой специальный аппарат был, – деловито пробормотала подруга.

– Ну ты даешь... – только и оставалось ответить мне. – А

ты уверена, что хочешь заниматься танцами?.. Может, тебе куда-то в бизнес лучше пойти?

– Майя, ты что, не понимаешь, что такое мечта? – укоризненно посмотрела на меня Марианна.

– Ну ладно, ладно...

Я замолчала и стала думать о том, есть ли у меня самой мечта. Стыдно было признаться себе, но ее не было. Однако я не чувствовала от этого себя несчастной. Мне казалось, у меня было все, что нужно девушке в моем возрасте: любимая семья, лучшая подруга, вот это теплое место под одеялом в нашей новой квартире, качели в бабушкином саду под шепчущими ветвями старых яблонь...

«А может, нужно было пожить так, как Марианна, чтобы появилась мечта?.. – подумалось мне, – в старом деревенском доме за сотни километров от городских удобств и развлечений, вместе с тремя сестрами и младшим братом, служа младшим няней».

Мне стало жаль Марианну, но тут же я себе напомнила, что она в данный момент не испытывает неудобств и ее путь к мечте, мягко говоря, не приемлем для меня. А если прямо сказать, он вообще уголовно наказуемый. А я вообще-то получаюсь в каком-то роде соучастницей.

«Скорее бы она уже переехала в свою квартиру, для покупки которой она сейчас черкает цифры в своем блокноте, – подумала я. – И скорее бы уже решилось все с Ксенией, она бы нашлась живая и здоровая и уехала в Севастополь.

Ну или не уехала и ждала бы своем детдоме Дена. Скорее бы отправился к себе Андрей, который свел с ума мою подругу Лерку».

Я почувствовала какую-то фальшь в своих размышлениях. Хочу ли я этого всего, что перечислила?.. А главное, что мне делать: искать Ксению или все пустить на самотек? Знает ли она, с кем связалась? Тот, кто ее подвозил, занимается незаконным бизнесом: покупает и продает картины нелегальным способом. А еще он может быть замешан в странной смерти Бориса Тикко... или он и Ксения. Тогда и о такой же странной смерти ее матери не нужно забывать...

Я открыла поисковик и набрала «ООО Усадьба». Переключилась на карту и увидела кружок на юге Ленинградской области. Справа от этого кружка пестрели квадратики загородных участков и домов, простирающиеся до извилистой голубой ленты реки. Слева была дорога.

«Мая, Мая, когда ты уже утомонишься, – проворчала я про себя и стала думать, как проехать к этому самому магазину, учрежденному ООО «Усадьба». Конечно, могло быть так, что Элвис просто проезжал мимо и зашел в этот магазин купить воду и хлебцы. Но других вариантов, где искать Ксению, у меня все равно не было. Слежка за Элвисом сорвалась, встречаться с ним Марианна и ее сестра больше не будут.

В прихожей хлопнула дверь: похоже, пришел Димка с учебы.

Марианна взволнованно закрыла блокнот, засунула его себе в рюкзак, распустила волосы и поспешила к двери.

– Дима, добрый день! Как хорошо, что вы пришли, я как раз борщ сварила! – ворковала Марианна в прихожей, а я улыбалась, представляя лицо брата при этой «ненавязчивой» заботе.

– Я сыт, спасибо, – пробубнил Димка и пошел в ванную.

– Нет, вы попробуйте, вот Майя сказала, что она никогда в жизни не ела такого борща, – не унималась Марианна возле двери ванной.

Я поспешила в прихожую, чтобы дать брату возможность спокойно посетить туалет и раздеться.

– Марианна, а напиши мне, пожалуйста, рецепт борща, – попросила я.

– Конечно, сейчас. Дима, видите, Майя даже рецепт просит! – сказала раздосадованная Марианна и пошла в мою комнату.

Брат осторожно выглянул из ванной и увидел меня.

– Когда? – недовольно процедил он мне, указывая в сторону моей комнаты.

– Скоро, скоро, – заверила я, кивая и махая рукой.

Димка пошел в свою комнату, а я подумала, что если брат знал о моем некотором участии в делах Марианны и вообще об этих делах, то сегодня же выгнал бы из дома нас обеих.

Я вздохнула и пошла выслушивать подробности приготовления кулинарного шедевра своей временной соседки.

Глава 18

На следующий день я положила в рюкзак термос с горячим чаем, бутерброды и зонт. Добираться мне пришлось на электричке, а потом еще на автобусе.

Выйдя на остановке, я пошла туда, куда указывал навигатор в моем телефоне, и вскоре остановилась перед закрытыми воротами. Дальше был коттеджный поселок. Слева стояла будка охранника. Калитка тоже была закрыта и оснащена электронным замком.

– Извините, а вы не знаете, где здесь магазин «Усадьба»? – спросила я проходящего мимо пожилого мужчину.

– Дак вон он, магазин этот, за воротами, – удивился мужчина. – Но он только для проживающих в поселке, так просто в него не попасть. Или вы из поселка?

– Я... нет... спасибо, – пробормотала я.

Я в досаде перешла дорогу на противоположную сторону и села на скамейку на остановке, глядя на зеленую черепичную крышу стоящего за воротами домика с вывеской «Усадьба».

– Ну вот и все. Пора успокоиться, – сказала я себе, – дальше дороги нет.

Глотнув горячего чая из термоса, я немного взбодрилась и согрелась.

«С другой стороны, теперь я почти точно знаю, что Элвис

зашел в этот магазин не по пути домой. Если магазин находится на закрытой территории, значит, именно в этом коттеджном поселке есть его дом», – не унимался мой мозг, противясь моей апатии.

– Только как мне туда попасть? – спросила я себя.

На другой стороне я увидела, как открылись ворота поселка, и туда въехала машина доставки из строительного супермаркета. Охранник вышел из будки, проверил документы у водителя, отошел, машина поехала дальше.

Остановился мой автобус, я села и продолжила разглядывать крыши домов поселка за высоким забором.

Подошел кондуктор, я оплатила проезд и задумалась, положила под щеку руку. Тут меня осенило. Я набрала номер Артема.

– Артем, привет! – поспешно поздоровалась я, – слушай, а ты случайно не доставляешь продукты в коттеджный поселок «Берег»?

– Это где? – озадаченно спросил Артем.

Я назвала адрес.

– Нее, – промычал Артем, – туда не езжу. А зачем тебе туда?

– Да здесь магазин с вкусными сухариками, я недавно была тут в гостях. А теперь не попасть, магазин этот на закрытой территории поселка, – стала вдохновенно врать я.

– Сухарики? – озадаченно спросил Артем, – давай я в нашем гипермаркете поищу, как они называются?

– Да нет, у вас их точно нет, это такие хрустящие хлебцы, я везде уже смотрела – продолжала я морочить голову Артему.

– Мда... – задумчиво промычал Артем, и на этот раз мне послушалась какая-то ирония в интонации.

Как не помнить Артему о моей недавней слезке за непонятным и странным мужчиной? Конечно, ему трудно поверить в историю с какими-то хлебцами. Тут я услышала, что в трубке прозвучал автомобильный гудок, и мне стало стыдно, что я отвлекаю человека от работы.

– Ладно, извини, спасибо, пока, – скороговоркой сказала я и отключилась.

Приехав домой, я окунулась с головой в уборку, а вечером пошла гулять с Рыжиком.

Вернувшись, я обнаружила на мобильном два пропущенных вызова от Артема. Сердце забилося чаще.

– Артем, ты звонил? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно равнодушнее.

– А, да, у нас Ярик ездит в этот поселок, который тебе нужен. Могу тебе прислать его телефон.

– Здорово! Спасибо тебе! – обрадовалась я.

– Только это... он, наверное, бесплатно не согласится везти.

– Хорошо, конечно, я заплачу, у меня есть немного денег.

– Ладно, сейчас пришлю его номер, – ответил Артем с досадой, – ты только это... осторожнее будь, что-то мне кажется, не в сухариках дело.

– Буду, спасибо тебе, Артем! Очень жду! – поспешила попрощаться я, пока Артем не передумал.

С Ярославом я созвонилась через пять минут, и мы договорились встретиться на следующий день возле железнодорожной станции.

Складывалось все удачно: я смогу попасть внутрь поселка «Берег» в машине доставки из супермаркета. Ярослав не стал выпрашивать, зачем мне это нужно, только озвучил сумму: тысяча рублей. Я согласилась, мысленно пересчитав свои запасы из заработанных за переводы денег. Чтобы заплатить Ярику, приходилось пока отказаться от покупки нового телефона: имеющийся у меня уже порядочно «глючил».

Только вот что я буду делать, когда окажусь в поселке, я пока не представляла.

«Можно распечатать фото Элвиса Пресли, показать его людям в магазине. Сказать, что я ищу своего родственника, – размышляла я, стоя под душем. – Но тогда в магазине возникнут вопросы, как я вообще попала на закрытую территорию поселка. Или вообще позвонят этому Элвису, он придет и узнает во мне девушку, толкнувшую его на шоссе. Зрительная память у него должна быть хорошая, раз он занимается картинами...»

Ходить по поселку и пытаться заглянуть за заборы – тоже так себе вариант.

– Майя, ты на выходные едешь с нами к бабушке? – спросила меня мама, когда я вышла из ванной.

– Вряд ли... – ответила я, – куда я дену Рыжика? Зевс ведь не ладит с собаками.

– И что, ты теперь вообще не будешь туда ездить? Хозяйка собаки так и не нашлась? – вступил в расспросы папа, оторвавшись от прибивания плинтуса.

– Пока не нашлась, но я к этому уже близка, – заверила я, – да вы не волнуйтесь, мне не страшно одной ночевать. Тем более, что я не одна, со мной Марианна.

– Это еще больше пугает, – вставил свое слово брат, проходивший мимо.

Я вздохнула.

– Обещаю, что к следующим выходным разберусь с Рыжиком.

– Только радикально с ним уж не разбирайся, – заволновался папа, – мы уж как-нибудь привыкнем и Зевса приучим постепенно. Если совсем некуда его деть, пусть у нас живет.

– Спасибо, пап, – улыбнулась я. Признаться, к Рыжику я уже сильно привязалась, – тогда если на следующей неделе не найду его хозяйку, то буду вас просить его оставить.

Рыжик повилял хвостом, когда я вошла в комнату, я погладила его по голове.

И тут мне пришла здравая мысль. Ведь собаки могут находить людей по запаху. У меня есть кисточка Ксении, которая несколько дней лежала под простыней в больнице. Которая пахнет Ксенией, раз Рыжик когда-то пошел за мной.

«Как отнесется Ярослав к тому, что я еще и собаку возьму

в машину? – подумала я. – Наверное, отрицательно. А если дам ему еще тысячу? Может, и положительно. Ну а телефон у меня пока кое-как работает».

– Нужно попробовать, – сказала я вслух, а Рыжик снова повилял хвостом.

Глава 19

Пятничное утро радовало хорошей для ноября погодой: светило солнце, на голубом небе плыли пушистые облака. Мы с Рыжиком прогулялись до магазина для животных, и я купила ему намордник. Пес такую обновку, естественно не одобрил.

– Рыжик, потерпи, ну что нам делать, – уговаривала его я, – зато покатаю тебя на автобусе и на электричке. Тебе понравится.

Пес недобро посмотрел на меня и ничего не ответил.

– Ну не обижайся, – попросила я его. – Потом приедем, и я дам тебе косточку.

Рыжик облизнулся, преданно посмотрел мне в глаза и повилял хвостом. Консенсус был достигнут.

Дома я надела джинсы, достала теплые зимние ботинки: неизвестно, сколько придется мне скитаться по поселку. Удобная короткая куртка, шапка. Я проверила свой рюкзак: вроде бы ничего не забыла. Уже выходя из квартиры, яхватила из папиной коробки с принадлежностями для ремонта защитную тонкую клеенку, чтобы постелить ее в машину под Рыжика.

И в автобусе, и в электричке Рыжик вел себя очень беспокойно, у меня даже мелькнула мысль, не думает ли он, что я хочу отвезти его подальше, чтобы избавиться от него. Я

гладила пса и обнимала, но взгляд его был напряженным. В машине Ярослава, на удивление, он почти успокоился, хоть ловил на себе недовольные взгляды нашего водителя. Дополнительная тысяча рублей помогла Ярославу смириться, что я буду с собакой.

– Когда будем подъезжать, сядете на пол, чтобы вас охрана поселка не видела в окна машины, – инструктировал Ярослав, – высажу тебя в малолюдном месте, сама оттуда дойдешь до магазина за своими сухарями. Встречаемся на том же месте через полчаса. Жду пять минут. Если не появитесь, то я уезжаю. А, и учти: если тебя поймают, то я знать не знаю ни тебя, ни твою собаку. Понятно?

– Понятно, – кивнула я, спускаясь на пол машины и увлекая за собой Рыжика.

Через пять минут мы, пригнувшись, вылезли возле густых кустов. Ярик поехал по своему адресу, а я огляделась. Вокруг были высокие заборы с торчащими крышами. Размеры и вид этих крыш говорили о том, что здесь каждый хозяин как будто старался переплюнуть соседа. Мне понравилось, что вдоль проездов был довольно широкий тротуар с ограждением, что редко встретишь в обычных дачных поселках.

– Ну что, Рыжик, – сказала я, снимая со своего спутника намордник. – Давай попробуем тебя в роли собаки-следопыта.

Я достала пакет с кисточкой Ксении, развернула его, положила кисточку на ладонь и поднесла к морде Рыжика. Он

принюхался, заскулил и повилял хвостом.

– Ищи, Рыжик, где Ксюша, – сказала, вдохнув, я. – У нас с тобой тридцать минут.

Пес огляделся и нерешительно пошел вперед, оглядываясь на меня. Я последовала за ним. Рыжик остановился и стал вертеть головой, принюхиваясь. Потом опустил голову, понюхал желтую траву на тротуаре. Снова постоял и пошел обратно.

Так мы бродили около двадцати минут. Рыжик то уверенно бежал в выбранном направлении, то останавливался, вертел мордой и устремлялся назад. Я старалась не отставать. Вдруг он остановился у одной из калиток и заскулил. Я подняла глаза: перед нами была ничем не примечательная калитка. Над высоким забором была видна крыша двухэтажного дома из темно-бежевого кирпича. За поворотом послышался звук машины, я инстинктивно спряталась за дерево. Машина проехала мимо, а Рыжик залаял. Через несколько секунд в окне появилась голова с распущенными светлыми волосами.

– Винсик... – сказали сверху, – Винсик! – закричал этот же голос. Собака заскулила и стала еще громче лаять. Через несколько секунд начали подниматься вверх ворота возле калитки. Оттуда выбежала девушка, и я сразу узнала Ксению. Девушка кинулась к собаке, а Рыжик бросился в ее объятия. Он лизал Ксении щеки, махал хвостом, скулил и радостно лаял. Я почувствовала легкий укол ревности, но быстро по-

давила его в себе и приготовилась выйти из-за дерева, чтобы заговорить с Ксенией.

– Ксюша, это что за дела? – услышала я голос. В калитке показался невысокий мужчина с лысиной.

– Дядя Саша, это Винсик, мой самый лучший друг! Он меня нашел! – радостно воскликнула Ксения, – помните, вы разрешили его отвезти в детский дом, где я договорилась, что за ним будут смотреть. А он убежал и меня все равно нашел!

Мужчина напряженно посмотрел по сторонам.

– Как он мог тебя найти? Заходи быстро!

– Дядя Саша, я без него не пойду! – воскликнула Ксения, – он мой самый лучший друг. Он меня сам нашел, вы же мне рассказывали, какая у вас в детстве была умная собака, мой Винсик тоже умница! Пожалуйста, разрешите его взять! Я со Львом Семеновичем сама поговорю, когда он приедет.

– Хорошо, только заходи быстро и не кричи, – раздраженно сказал мужчина, снова огляделся и щелкнул брелоком в сторону открытых ворот паркинга.

Ксения увлекла оглядывающегося Рыжика на участок, мужчина шагнул следом. Калитка закрылась. Ворота паркинга тоже почти опустились вниз, и вдруг я, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, бросилась на землю перед опускающимися воротами и прокатилась внутрь.

Запахло бензином. Я огляделась. В темноте можно было различить дверь. Я осторожно прошла к ней, открыла и ока-

залась в просторной прихожей, за которой виднелся большой холл дома. Услышав звук шагов, я вжалась в угол за висящей на вешалке одеждой. К двери кто-то прошел, прозвенел связкой ключей, дверь закрыли на замок. Назад у меня пути не было.

– Лев Семенович нам головы оторвет, – услышала я недобольный мужской голос почти рядом с собой, и меня с ног до головы прошиб пот.

– Не оторвет, дядя Саша, честно, – ответила Ксения, – смотрите, какой он милый!

Мужчина прошел в холл, ворча, а я выдохнула. Голоса удалялись куда-то вглубь дома, зато с улицы я слышала звук подъезжающей машины.

Я выбралась из своего укрытия и осторожно прошла в просторное помещение. Обстановка впечатляла: вокруг была расставлена антикварная мебель, на стенах висели картины в позолоченных рамах. Но спрятаться здесь было решительно негде.

– Он все ест, представляете, даже макароны – услышала я восторженный голос Ксении где-то слева и поняла, что там находится кухня. Тут я послышался звук поднимающихся ворот паркинга.

– Вот сейчас нам эти макароны на уши накрутят, – проворчал дядя Саша, и я поняла, что он идет в холл.

Справа была широкая лестница, ведущая наверх. Я поспешно стянула с ног кроссовки, и, оглядываясь на кух-

ню, побежала наверх. На втором этаже виднелась открытая дверь. Предварительно заглянув за нее, я подумала, что здесь, скорее всего, обитает Ксения. Я забежала и оглянулась. Здесь стояли кровать, туалетный столик и шкаф. Возле окна расположился мольберт. На мольберте я увидела картину: дворик в центре Петербурга. Немного обрушенные стены, арка, в арке виднеется еще один такой же дом. Я сразу узнала место, где недавно встретила Ксению, когда возвращалась из кафе. Сама картина была какой-то мрачноватой: было видно, что изображен конец светового дня, сумерки. Но надо было признаться, что что-то было в этом виде завораживающее.

С трудом заставив себя оторвать взгляд от мольберта, я вспомнила, что мне лучше пока где-то укрыться, а потом поговорить с Ксенией наедине. Я осторожно открыла дверцу шкафа. Внутри висел длинный банный халат, за него я и спряталась.

Глава 20

В своем укрытии я провела около пятнадцати минут. Когда с лестницы послышался звук шагов, я обрадовалась, что скоро, наконец, смогу выбраться отсюда.

– Она закончила? – спросил резкий мужской голос где-то совсем рядом.

– Да, Лева, вот, посмотри.

Пауза.

– Хорошо.

– И я считаю, что хорошо. Лучше, чем у Борьки.

Я замерла. Сердце забилось быстрее, и я посмотрела на себя как будто со стороны: девушка в чужом доме, затаившаяся в шкафу. Что мне скажут, если найдут меня здесь?

«Только бы не чихнуть», – подумалось вдруг мне, и тут же меня обдало жаром. Я вспомнила, что не выключила звук телефона.

Дрожащей рукой я достала из кармана телефон, выключила звук, выдохнула.

«Нужно набрать хотя бы сообщение с адресом, отравить его Андрею, – стучало у меня в голове, – или держать наготове палец на кнопке вызова. Как посмотреть, где я нахожусь?..»

Я стала листать страницы экрана, ища карту, чтобы определить координаты места. Пальцы не слушались.

– Пора с этим кончать, – услышала я резкий голос рядом и замерла.

– Хорошо, Лева. Как ей сказать, что ее мать умерла?

– Зачем ей об этом говорить. Пусть умрет в счастливом неведении.

Я застыла с телефоном в руке, открыв рот. Рука задрожала, и я чуть его не выронила.

– Что?! Лева, ты с ума сошел? – воскликнул голос дяди Саши, – посмотри на нее, она же ребенок!

С улицы слышались радостные возгласы Ксении, и я поняла, что эти двое смотрят на нее из окна.

– Ой, только давай без этих сантиментов, – раздраженно сказал другой мужчина, – Борис тоже был не старцем, но ты не особо переживал.

– Бориска нас с тобой чуть не подставил, и он же сам... ты же все видел, – воскликнул дядя Саша, – он хотел в обход нас с тобой найти ту старуху в Америке и продать ей картину, забрать все деньги себе. Он чуть на нее не вышел!

– Можешь оправдываться сколько угодно, если тебе так легче. Вот и сейчас найдешь себе оправдание.

– Но Лева, я же его не убивал! Я не убийца! Борис понял, что мы все знаем, испугался, когда мы к нему пришли. Я же не виноват, что он загорелся от своей же сигареты, забрался на подоконник и полетел вниз!

– Ты ему не дал выбежать в коридор, поэтому он полез на подоконник. Но ты же не считаешь себя убийцей? Вот и

сейчас все сделай так, как будто это несчастный случай.

– Лева, да как ты можешь мне такое говорить? Ты же все видел и слышал: он кричал, а нам нужно было уйти, мы и закрыли дверь. Как по-другому можно было поступить? Картина все равно загорелась, ее было не спасти. Какая-то напасть с этой картиной! И, между прочим, ты мог в самый первый раз, еще прошлой осенью вовремя забрать ее. Но ты ее сфотографировал для каталога и оставил Борису ее закончить. Это все твое бесконечное стремление к совершенству...

– Не смей мне напоминать об этом. Каталог уже уходил в печать, от меня ждали фото. Он должен был добавить пару штрихов, и я бы на следующий день картину забрал.

– Вот видишь, ну не бывает все идеально. Если бы мы тогда сразу ее забрали, ничего бы этого не было.

– Замолчи, – зло отозвался первый голос.

– И зачем убивать эту девочку, просто отпустим ее, и все. Мы же купили билеты. Ты же не собирался возвращаться. Да я поговорю с Ксенией, объясню ей все. Она не пойдет в полицию, я тебе гарантирую!

– Не ори, – зло оборвал другой голос. – Делай, что хочешь, но в итоге я хочу сам видеть, как она пойдет ко дну. Чтобы без вариантов. Найми кого-нибудь, раз сам не хочешь мारаться. И собаку эту можешь туда же отправить.

Я сидела с зажатым в руке телефоном и понимала, что один звук – и я тоже отправлюсь ко дну ближайшей реки

вместе с Ксенией и Рыжиком. В комнате послышался скрип: я поняла, что с мольберта сняли картину. Шаги проследовали к двери.

– Олег, надо поговорить, для тебя есть работа, – хрипло сказал, видимо, в телефон дядя Саша, – хорошо, в девять.

Потом прошло еще несколько секунд.

– Прости, девочка, – тихо сказал хриплый голос, шаги удалились. Дверь закрылась.

Я посмотрела на телефон в дрожащей руке. На экране мигал красный кружок. Я пригляделась: диктофон. Работает диктофон. Я случайно нажала на запись. Затаив дыхание, я аккуратно нажала «стоп», «сохранить».

Теперь я знала, что Ксения не виновата ни в гибели Бориса, ни в смерти своей мамы. Признаться, я чувствовала от этого большое облегчение, даже радость. Сестра Дена и Андрея оказалась не убийцей, а просто пешкой в чужой игре. Нужно было срочно сообщить обо всем, что я узнала. И о том, где я нахожусь.

Тут я услышала, что дверь комнаты опять открылась, и снова замерла.

– Ой, картину забрали? – послышался радостный голос Ксении, – вот и здорово, значит, готово.

Девушка, напевая, подошла к шкафу, открыла дверь и увидела меня.

– Только не кричи, – быстро сказала я шепотом. – Это очень важно. Я знаю Дениса. Я своя. Ты дверь закрыла?

Ксения кивнула, все еще продолжая смотреть на меня во все глаза.

– Там есть защелка или ключ?

Ксения молча помотала головой.

– Ладно. У тебя есть наушники?

Ксения снова отрицательно помотала.

– Тогда делаем так. Времени у нас мало. Я дам тебе телефон. В нем запись разговора, который только что здесь происходил. Ты закрываешься с головой одеялом, слушаешь запись как можно тише. Если кто-то заходит, то ставишь на паузу и говоришь, что хочешь спать. Поняла?

Ксения покивала, взяла у меня телефон и, все еще продолжая смотреть на меня округлившимися глазами, закрыта поплотнее дверь комнаты, легла на кровать и накрылась одеялом.

Я затворила дверь шкафа и стала ждать. Прошло минуты три, но никаких звуков из комнаты я не услышала. Осторожно приоткрыв дверь, я увидела лежащее на кровати тело без движения под одеялом. Я испуганно выбежала из шкафа и откинула одеяло. Ксения лежала, скрючившись, и прижимала к лицу телефон. Ее лицо было мокрое от слез. Вытащив из ее рук телефон, я поняла, что он тоже мокрый. Я понажимала кнопки – телефон не работал.

Ругнувшись про себя, я засунула телефон в карман.

В общем-то, телефону моему было уже лет пять, экран на нем в нескольких местах сильно потрескался, сам он часто

«тормозил», и я все собиралась купить новый... но так и не купила. То не было времени, то нужны были деньги, вот хотя бы на поездку сюда с Яриком. Кто же знал, что старый телефон подведет меня в такой ситуации, что он отключится из-за попадания на экран обычных слез...

– Так, – пробормотала я, стараясь не злиться на девушку и на себя. – Ксения. Все еще хуже, чем я предполагала. Нужно думать, как выбираться отсюда. Нам надо уходить, слышишь меня? У тебя есть мобильник?

Ксения помотала головой, а я снова про себя ругнулась.

– Они никуда не собираются в ближайшее время? Ты сможешь открыть калитку или ворота?

– Не знаю, – хрипло отозвалась Ксения.

– Мы должны уйти до девяти часов. Темнеет сейчас рано. Сейчас тебе нужно умыться, взять себя в руки и ни в коем случае не показывать им, что что-то не так. Слышишь меня? Ты должна быть веселой, как обычно. Поиграй с Рыжиком, погуляй, старайся с ними не встречаться глазами, чтобы не выдать себя. А сама думай, как нам уйти.

– С Рыжиком... а... ты про Винсика... это ты его привезла сюда? – спросила Ксения.

– Да, мы вместе тебя искали. Тебя хотели взять в семью хорошие люди, чтобы ты жила на море. Они до сих пор здесь, в Петербурге, надеются, что тебя найдут.

– Мне теперь все равно, – прошелестела Ксения, – моей мамы нет в живых.

– Ты что, с ума сошла? – испугалась я, – нужно выбирать-ся, тебя хотят убить. А если найдут здесь меня, то и меня убьют. И Рыжика. Хотя бы ради нас с ним постарайся придумать, как выбраться...

Я все это шептала, внимательно прислушиваясь к звукам из дома. Где-то на кухне работала кофемашина, в холле играла классическая музыка.

– Какое же лицемерие, – произнесла Ксения вслух, – и все ради денег... им-то они зачем?

Внизу послышался лай Винсика-Рыжика.

– Давай, а то они с ним что-нибудь сделают. Умойся и иди поиграй на улице с Рыж... кстати, а почему ты его назвала Винсиком?

– Винсик... – улыбнулась Ксения, – Винсик – краткое от Винсент. Винсент Ван Гог – это знаменитый художник, он тоже был рыжим.

– А... понятно... возьми для него намордник, чтобы потом он не шумел.

– Я что-нибудь придумаю, – вдруг воодушевилась Ксения. Ты тогда здесь подожди, они в мой шкаф обычно не заглядывают. Тебе принести что-нибудь поесть?

– Нет, спасибо, у меня есть в рюкзаке... если только посетить туалет.

– Он на этаже, давай я покараулю, чтобы никто не увидел. Босиком я пробежала по коридору до соседней двери, потом – обратно. Ксения внимательно смотрела вниз.

Снова устроившись в шкафу, я стала ждать. Было жутковато находиться в замкнутом пространстве, как будто в ловушке. Но других вариантов не было. Я постаралась отвлечься и представить, что я просто играю в прятки, как в детстве.

Где-то через пару часов дверь шкафа открылась. Ксения стояла в джинсах, шапке и куртке.

– Пойдем. Лев Семенович в душе, дядя Саша в саду. Я стащила у него ключи.

Я выбралась из шкафа, потянулась и сделала несколько махов руками, чтобы размять затекшее тело.

За окнами уже было темно.

Рыжик ждал нас внизу. Я пристегнула поводок и потянула его за собой. Мы осторожно пробрались к двери паркинга, Ксения вставила ключ в замок, повернула. Мы вышли и тихо прикрыли дверь. Ксения нажала на кнопку на брелоке. Ворота паркинга стали подниматься вверх, и мы бросились к ним.

– Стоять. А то выстрелю, – услышали мы сзади.

Сердце рухнуло вниз. Возле двери стоял дядя Саша с ружьем, направленным прямо на нас.

– Дядя Саша, – сказала Ксения дрожащим голосом. Вы меня обманули. Я же вам верила. Как вы могли?

Мужчина не шелохнулся. Взгляд его оставался жестким, но мне показалось, что он сжал челюсти.

– Вы же не убийца, – тихо сказала я его собственную фразу, которую он произнес недавно в комнате Ксении.

Мужчина перевел взгляд с Ксении на меня, потом обратно на Ксению. Мне показалось, что он вздохнул. Шли секунды: медленные и тягучие. Я чувствовала, как по спине потоком течет пот.

– У вас ровно минута, – произнес дядя Саша другим, каким-то глухим голосом, – иди через Михалыча.

Ксения кивнула.

– Спасибо, – шепнула она.

Тот не ответил, только опустил вниз ружье, оглядываясь на дверь в дом.

Мы выбежали из паркинга.

– Туда, – показала Ксения в противоположную от выезда из поселка сторону. Я удивилась, но последовала за ней.

Через полминуты мы добежали до небольшого домика на самом краю поселка. Забор вокруг участка тоже был низким. Мы его перепрыгнули и услышали доносившиеся из дома звуки: хозяин смотрел футбольный матч и отчаянно болел за свою команду.

– Давай, пас давай! – кричал из окна мужской голос.

Мы пригнулись и добежали до края участка, который примыкал к забору вокруг всего поселка. Ксения раздвинула ветви сиреневого куста, и я увидела дверь. Мы отодвинули железный завов, дверь скрипнула, я испугалась, а из дома донеслось: «Гол!!!». В тот же момент гроыхнул выстрел.

Мы в испуге практически вывалились в дверь все разом. Рыжик пытался залаять, но у него это не получалось в на-

морднике. Мы с Ксенией в ужасе посмотрели друг на друга, но быстро пришли в себя. Я закрыла дверь и оглянулась по сторонам. Было темно, но звезды и луна немного освещали пространство. Я вытащила из рюкзака фонарь и включила. Мы находились, видимо, на лугу. Впереди текла река. Мы побежали вдоль берега. Со стороны поселка слышался звук сирены.

– У Михалыча здесь лодка! – прокричала Ксения.

Мы принялись искать лодку, максимально напрягая зрение. Через несколько секунд я ударилась обо что-то твердое.

– Она здесь, – простонала я от боли.

Мы вдвоем стали тянуть лодку к воде. Через какое-то время это получилось, мы запрыгнули и стали невпопад бить по воде веслами.

– Подожди. Давай оба весла мне, – решительно сказала я. – А то мы далеко не уплывем. Кто этот Михалыч? Об этой двери все знают?

– Нет, не все. Михалыч – местный дворник. Дверь он сделал, чтобы на речку ходить прямо с его участка. О ней никто не знает, кроме меня и дяди Саши, иначе Михалыч бы уже здесь не работал. Там все замаскировано, прямо возле двери растут две ели.

Я кивнула, вспомнив, как пробиралась от потайной двери через что-то колючее.

– Мы с дядей Сашей ходили через дверь на речку, – продолжала Ксения. – Здесь очень красиво, мне это помогало

набраться вдохновения, чтобы писать картину.

– Чтобы писать картину, на которой унылый обшарпанный двор?

– Добужинский, кроме прочих картин, писал именно унылые дворы, как ты сказала. Изнанка Петербурга – его именно это вдохновляло в городе.

– Извини, я, конечно, не очень разбираюсь в живописи... но при чем тут какой-то Добужинский, если картину писала ты?

Ксения промолчала.

– Как ты думаешь, что это был за выстрел? – спросила она.

– Может, твой дядя Саша выстрелил в воздух, а этому Льву Семеновичу сказал, что стрелял в тебя, но промахнулся, и ты все равно убежала. На другом берегу есть какая-то дорога?

– Не знаю, – дрожащим голосом ответила Ксения.

– Ладно, главное, что про эту секретную дверь почти никто не знает. Значит, нас будут пытаться поймать с другой стороны реки.

На берегу мы кое-как выбрались из лодки, я при этом ступила ногой в ледяную воду.

К этому времени небо затянуло тучами. Стал накрапывать дождь. Мы бежали в темноте без разбору, стараясь выйти на какую-нибудь дорогу.

Вскоре перед собой мы различили мост. Дождь стал сильнее.

– Бежим под мост! – крикнула я.

Глава 21

Под мостом мы неожиданно обнаружили несколько кирпичей, кучку веток и даже спички в жестяной банке.

– Да, – задумчиво пробормотала я. – Похоже на пристанище бездомных.

Мы разожгли костер, и я попыталась высушить свой мокрый носок и кроссовок. Получалось не очень. Но дождь все равно нужно было переждать. Ксения тоже села у костра. Ее била дрожь. Она задумчиво смотрела на пламя.

– Как тебя зовут? – вдруг спросила она.

– Майя.

– Понятно. Очень приятно.

Я улыбнулась. Самое время познакомиться.

– Оттуда ты взялась, Майя?

– Ох, – пробормотала я, – это очень длинная история. Давай я ее тебе расскажу, когда мои ноги будут сухие? Желательно у меня дома.

– Хорошо, – сказала Ксения и оглянулась.

– Слушай, – пробормотала она и взялась за свой лоб. – Ты... спасибо тебе... за Винсика спасибо и вообще. Извини.

Ксения вдруг вскочила и побежала к реке. Рыжик ринулся за ней.

Не веря в происходящее, я на бегу стала надевать свой кроссовок. Я догнала Ксению у самой реки, схватила ее за

волосы и стала тащить обратно под мост.

– Сумасшедшая! – кричала я. – Ты куда собралась? Топиться? Что у тебя вообще в голове?

Я кричала какие-то ругательства и волокла Ксению под мост. Она уже не сопротивлялась. Я кинула ее возле костра, села рядом на землю.

Ксения сидела молча, только ее зубы громко стучали.

– Больная, – зло пробормотала я.

Тут до меня дошло: она и правда была больна. Я потрогала ее лоб: он горел.

– Ксения! Ты меня слышишь? – я стала трясти ее за плечи.

– Да, – слабо ответила она. – Ну зачем ты меня приволокла? Какой смысл?

– Смысл?! А какой вообще во всем тогда смысл?! Я три недели тебя искала. Не ради тебя. Ради Дена. Он, если хочешь знать, – моя первая любовь. А он тебя любит, ты его сестра. А еще есть очень хорошие люди, которые хотят тебя удочерить. Там тоже твой брат, по отцу. Он тоже... хороший...

– Откуда ты все это знаешь?

– Оттуда, – резко ответила я.

– Моя мама умерла. А ведь все это было для нее. Я хотела заработать денег, чтобы вылечить ее. Чтобы она больше не пила. Мы с дядей Сашей нашли хорошую клинику, где лечат алкоголизм. Они мне обещали за картину деньги. Я бы ее вылечила...

– За какую картину? Этого Добужинского?

– Да. Лев Семенович этим занимается. Они через свои связи опубликовали в каталоге якобы неизвестную раньше картину Добужинского из частной коллекции. Картину эту нарисовал другой парень. Но он жил с соседями: то ли наркоманами, то ли алкоголиками. Они устроили пожар, картина сгорела. Тот парень переехал и снова стал ее рисовать. Но что-то опять там не заладилось, и они нашли меня.

– Не заладилось, – пробормотала я, вспомнив, как погиб Борис.

– В Америке есть очень пожилая женщина. Ее родители когда-то эмигрировали из России. Она считает себя русской, любит Петербург и коллекционирует картины известных художников с изображениями города. Еще она очень богатая.

– И этот Лев Семенович хочет подsunуть ей картину, нарисованную тобой, но выдать ее за творение Добужинского?

– Да. Это не новая схема мошенничества. У него большие связи. Он подкупил экспертов и редакторов каталога. За картину та женщина готова отдать огромные деньги... надо же, они пожалели даже маленькую часть, которую обещали мне...

– Человеческая жадность безгранична, – согласилась я.

Я не стала напоминать Ксении о том, что она участвовала во всей этой афере незаконно. Именно она рисовала картину. Получается, что все это задумывалось еще давно. И сперва картину нарисовал Борис. Потом ее сфотографировали,

чтобы опубликовать в каком-то международном каталоге. И в тот же день картина сгорела. Ему пришлось рисовать заново. Лев Семенович снял Борису полностью всю квартиру, чтобы соседи больше не помешали.

Но Борис решил продать картину в обход Льва Семеновича, напрямую той пожилой женщине в США. И забрать все деньги себе.

Лев Семенович узнал об этом, они пришли вдвоем с дядей Сашей к Борису, запугали его. А дальше пошла череда трагических случайностей: Борис испугался, видимо, отшатнулся, у него упала банка с растворителем на подоконник, туда же упала зажженная сигарета. Дальше на нем, например, загорелась одежда. И картина тоже загорелась. Уже второй раз.

Как будто какое-то провидение никак не позволяет выдать фальшивку за творение давно умершего художника Добужинского.

Те двое пришедших поняли, что картина снова испорчена, и просто закрыли дверь комнаты Бориса, видимо, чем-то ее подперев снаружи. А Борис, чтобы позвать на помощь, открыл окно, забравшись на подоконник. И упал.

Все эти жуткие изображения пронеслись перед моими глазами.

– Конечно, я понимаю, что я – преступница, – вдруг сказала Ксения. Можешь мне ничего не говорить. И эти люди откажутся от меня, когда узнают, что я рисовала картину, зная, что ее будут выдавать за фальшивку. И Ден это все узнает...

– Во-первых, ты сказала, для чего ты на это пошла. Это все поймут. Тот парень... твой второй брат. Он недавно потерял своего отца. Вашего общего отца. Его мать живет за границей и не интересуется сыном уже много лет. У него никого не осталось родного, понимаешь? Он был раздавлен известием о смерти отца. А потом узнал про тебя. Ты не представляешь, как он загорелся. Он сразу сказал, что тебя нужно забрать. Сказал это своей няне, которая его вырастила. Она не против, у нее нет своих детей. Ну а если не хочешь, то через год вернется Ден, оформит над тобой попечительство, и тогда ты сможешь жить с ним. Он как-нибудь смирится, что ты временно жила со вторым братом, Андрей ведь не виноват в грехах своего отца.

– Ден не простит, что я связалась с мошенниками ради мамы.

– Простит. Но знаешь, я бы на твоём месте согласилась бы жить в семье Полины. Ну, или хотя бы до возвращения Дена. У тебя слабое здоровье. А там море и почти всегда тепло.

– А ты была... на море? – затаив дыхание, спросила Ксения.

– Была.

– Какое оно живую? Я только на картинах видела.

– Ласковое. Но иногда злится и ругается. У него как будто тоже есть характер, как у человека...

– Здорово... я всегда мечтала побывать на море...

Пламя огня осветило лицо Ксении, и мне показалось, что

ее глаза как-то странно блестят. Я снова приложила руку к ее лбу.

– Так... нам нужно двигаться дальше, чтобы твои мечты сбылись. Соберись с силами, пожалуйста...

Я быстро затушила костер, и мы вышли из-под моста. Дождь почти закончился: с неба летела мелкая морось. Мы вдруг услышали, как совсем недалеко проехал поезд, и пошли в том направлении.

– Где железная дорога, там часто и автомобильная рядом, – сказала я скорее самой себе.

Минут через десять мы и правда вышли к дороге. Машины пролетали по мокрому асфальту, поднимая небольшие брызги. Выходить на самую обочину было страшно.

– Интересно, согласится ли кто-нибудь подвезти двух грязных мокрых девушек, еще и с собакой, – размышляла я со вздохом, – а вдруг у этого Льва Семеновича везде связи, и наши фото уже переданы всем постамам?.. Ксения, как ты думаешь?..

– Я не знаю... – простучала зубами Ксения.

Мы еще немного прошли вперед и увидели железнодорожный переезд, на котором закрывался шлагбаум. Остановившиеся машины выстроились друг за другом.

Вдруг мое сердце радостно забилося: на номере одной из машин я увидела цифры «два, два, пять». Дата моего рождения. На стекле на присосках распластался черный кот. За рулем сидел кучерявый Артем в бейсболке.

– Артем! – закричала я, подбежала к передней двери и постучала в стекло.

Взгляд Артема в несколько секунд менялся от устало-равнодушного до приветливого, а я подумала, что все-таки номер с датой моего рождения был хорошим знаком.

Через минуту все мы сидели в теплом салоне. Играл блюз, Ксения спала, положив голову на мое плечо, а Рыжик – на мою ногу. Собаку мы разместили на полу.

Артем уже оправился от очередного удивления, и мы с ним болтали на отвлеченные темы.

– Хлебцы-то свои купила? – подколол меня он.

– Какие?

– С базиликом и помидорами вроде, ты их искала?

– А... нет.

– Угощайтесь, пожалуйста, – вдруг пробормотала сонным голосом Ксения, порылась в кармане куртки и извлекла мятый пакетик.

Мы с Артемом засмеялись.

Оказалось, что Артем живет тоже в моем районе, только в другом его конце, так что ему было по пути. Он даже не удивился, когда я попросила его на всякий случай проводить нас до моей квартиры.

Я открыла дверь и пригласила Ксению с Рыжиком. На звук вышел жующий брат.

– Дим, привет. Это Ксения, она у нас переночует.

Брат посмотрел на мою спутницу, моргнул и немного за-

кашлялся, подавившись баранкой. Мы разулись, я провела Ксению в комнату и вышла мыть лапы Рыжику.

Димка все еще стоял в прихожей с куском своей баранки.

– Майя... наконец, прокашлявшись произнес он, – ты где всех их берешь-то?..

Глава 22

Ксении я постелила в своей комнате, вручила свой банный халат и теплые носки, а сама пошла устраиваться в комнате родителей: матрас Марианны был занят ее вещами, хотя самой ее дома еще не было. Моя новая знакомая приняла теплый душ, немного поела, выпила жаропонижающее и вскоре заснула, завернувшись в одеяло.

Я развесила на батарее постиравшиеся в машинке ее вещи и отправила Андрею короткое сообщение в социальной сети: «Ксения нашлась, живая и почти здоровая. Она у меня. Я завтра позвоню».

Ночью я встала, чтобы посмотреть на состояние моей гостьи и померить ей температуру. Градусник показывал «тридцать семь», меня это устроило.

Уже вернувшаяся Марианна спала рядом, свесив ногу, как будто готовилась в любой момент вскочить и куда-то побежать.

«Приют заблудших душ: так бы, наверное, назвал мою комнату папа, если бы это все увидел», – подумала я с улыбкой.

Ксения проснулась около десяти утра и несмело заглянула на кухню.

– Как самочувствие? – заволновалась я.

– Отличное, – улыбнулась она, – тридцать шесть и шесть.

Спасибо тебе.

Я усадила ее пить чай и поставила тарелку с бутербродами.

– Майя, – осторожно сказала Ксения, – Расскажи мне, пожалуйста, про эту семью. Про Андрея.

– Андрей – сын вашего отца от второго брака. Когда ваш общий отец – его звали Владимир – учился в Петербурге, он познакомился с вашей мамой, женился на ней. Родился Ден, твой старший брат. Потом он поехал в отпуск в свой родной Севастополь и встретил там другую девушку. У этой девушки был очень влиятельный и обеспеченный отец, который обещал помочь ему с исполнением его мечты: иметь свой ресторанный бизнес. Владимир развелся с вашей мамой и женился на этой девушке. Когда они расстались, твоя мама уже была беременна тобой, но либо не знала об этом, либо знала, но не сказала ему.

Вскоре в Петербурге родилась ты, а через три месяца в Севастополе – Андрей.

Ваш общий дедушка знал про Дена, он купил своей бывшей невестке в Петербурге квартиру. Но про тебя ему стало известно только в его последний визит сюда. Он был в натянутых отношениях со своим сыном: не мог простить, что тот не захотел продолжить дело династии, не захотел стать врачом. И, конечно, из-за того, что бросил своего ребенка. Владимир никогда не интересовался, как растет Ден, хватает ли его бывшей жене денег на воспитание ребенка в одиноч-

ку. Хотя, может, он подозревал, что ваш дедушка переводит вашей маме деньги...

– Деньги, которые, видимо до нас не доходили, – усмехнулась Ксения, – мама и ее друзья все пропивали. А может, мама и пить начала из-за того, что переживала предательство моего отца. Но, это, конечно, не оправдание...

– Ты хочешь знать, как она погибла? – спросила я осторожно.

– Пока нет, – помотала головой Ксения.

– Сегодня сюда приедут Андрей, Полина и ее муж. Тебе нужно принять какое-то решение.

– А как ты думаешь... – Ксения вздохнула и нахмурилась, – если этот человек, наш общий отец, предал мою маму и Дена... ведь Ден не простит его, даже умершего. А я, получается, сейчас поеду жить в его дом.

Я задумалась и вспомнила лицо Дена: его насмешливые глаза, упрямый подбородок, складку между бровями.

– Ден все поймет, – ответила я, хотя совершенно не была в этом уверена.

А потом я взглянула на Ксению, на ее бледную кожу, худые плечи. Вспомнила, как вытаскивала ее из холодной воды. Представила, как она возвращается в общую спальню детского дома...

«Да какая разница, поймет или не поймет, простит или не простит, – вдруг с раздражением подумала я. – Жизнь одна, и она очень хрупкая, как недавно выяснилось».

– Я бы на твоём месте поехала, – твердо сказала я вслух.
Ксения опустила глаза и помолчала.

– Можешь рассказать мне про Андрея? Какой у него характер, чем он занимается? – спросила она через несколько секунд.

– Андрей... да как все парни: ходит в школу, занимается спортом. Он тоже хочет стать врачом, как его бабушка. И на эту тему он спорил со своим отцом. Они тоже не ладили. Хотя Андрей очень переживал, когда его папа погиб, он ведь любил его. Его мама сейчас живет в Швеции, там у нее бизнес и другая семья. У Андрея никого не осталось рядом из родных. Когда он узнал о твоём существовании, то сразу попросил Полину удочерить тебя, чтобы ты была рядом.

– А что это за женщина, Полина?

– Полина была его няней, практически она заменила Андрею мать. Когда ему было двенадцать лет, он сообщил ей, что уже взрослый и больше не нуждается в няне. Полина сначала переживала, а потом вышла замуж. Ее муж – полковник полиции, Вячеслав Олегович. Хороший человек: правда, строгий, но при его должности иначе нельзя. Потом Андрей одумался, извинился перед Полиной, и сейчас она почти живет на два дома: ее дом находится недалеко от дома Андрея. Хотя... может, сейчас они живут вместе, чтобы Андрей не оставался один после гибели отца...

– Спасибо, Майя, – улыбнулась Ксения, – я думаю, что приняла решение. Я поеду с ними.

– Вот и хорошо, – выдохнула я. – Скажи... а как этот Лев Семенович вообще нашел тебя?

Лицо Ксении потемнело. Я тут же пожалела, что вернула ее к мыслям о прошлом, но мне нужно было сложить уже этот пазл, на который я потратила последние три недели своей жизни.

– Он – родственник заведующей моим детским домом. То ли двоюродный, то ли троюродный, но они с ней общаются с детства. Наверное, она рассказала ему обо мне. Он же интересовался живописью. А про мое увлечение заведующая тоже знает, мои работы участвовали в городских выставках. Она однажды рассказала мне, что ее родственник помогает талантливым детям, и хотел бы со мной встретиться.

– Думаешь, она с ним заодно?

– Не знаю. Надеюсь, что нет. Она всегда мне казалась очень хорошей и доброй. Лев Семенович пришел в детский дом, посмотрел мои картины и подарил мне краски. Потом еще пару раз приходил, приносил конфеты, фрукты. Всегда интересовался, что я еще нарисовала, и мне это было приятно. Я знала, что Дену не понравилось бы такая странная дружба, поэтому не говорила ему. Мне действительно очень льстило, что такой взрослый человек, понимающий в живописи, хвалит мои картины.

– А потом он предложил тебе сделку?

– Да. Но не сразу. Он свозил меня на то место, которое я должна была нарисовать. Потом принес мне каталог, в ко-

тором было опубликовано фото картины с этим самым домом с подписью «Сумерки. Добужинский». Сказал, что хочет иметь такую картину у себя дома, и был бы очень мне благодарен, если бы я нарисовала ее. Еще он оставил мне альбом с репродукциями других произведений Добужинского, чтобы я поняла его стиль. Я попробовала нарисовать на простой бумаге, Льву Семеновичу понравилось.

А потом он узнал, что меня хотят удочерить и увезти в Севастополь. Он понял, что все его визиты могут оказаться напрасными, и предложил мне сотрудничество. Сказал, что мою маму можно вылечить от алкоголизма в платной клинике. Обещал мне большие деньги, если я сбегу из детского дома, поселюсь у него на даче и напишу картину по-настоящему, на холсте. По тому, как он волновался, я поняла, что в самом начале он меня обманул. Он не для себя хотел эту картину. Но это мне было уже неважно. Я хотела спасти маму. Мы договорились о дне и времени, когда я должна буду сбежать.

Но я снова заболела, и меня положили в больницу. Я понимала, что Лев Семенович общается с заведующей детским домом, и должен знать, что я в больнице.

Я сбежала в назначенный ранее день и час, уверенная, что они меня ждут возле больницы. И не ошиблась.

Только моей просьбой было отвезти Винсика к детскому дому. Потому что там для него ребята построили будку, и я договорилась с одним другом, что его будут подкармливать

в мое отсутствие. Взять Винсика с собой Лев Семенович не разрешил. Сказал, что у него аллергия на животных. Хотя, думаю, он просто их не любит.

– Винсик, он же Рыжик, сбежал оттуда, потому что там не было тебя. Он нашел дорогу до больницы и ждал тебя там.

– Как ты думаешь, Полина разрешит взять его с собой?

– Думаю, разрешит, – ответила я, втайне надеясь на обратное. Слишком я привязалась к этому рыжему псу...

– Это хорошо, – улыбнулась Ксения.

Я сходила в прихожую и принесла девушке кисточку в пакете.

– Ой, откуда у тебя это? – удивилась она.

– Ее мне отдала санитарка в больнице, где ты лежала. Кисточка завалилась куда-то за матрас.

– Надо же, – с улыбкой пробормотала Ксения.

– Ты никогда не интересовалась, кто это такой, Борис Тикко?

– Ну я подозревала, что это кто-то, кто имел дело с Львом Семеновичем. Я ведь нашла эту кисточку в его машине на заднем сидении между креслом и дверцей. В тот день меня впервые взяли из детдома в Эрмитаж. За мной заехал Лев Семенович, отпросил меня у заведующей. Она разрешила, сказала, что ради искусства согласна меня отпустить. Это был единственный раз, когда меня свозили в музей. После Эрмитажа мы поехали к тому дому, который я должна была написать. И потом я только и делала, что писала наброски,

отправляла фото Льву Семеновичу, он отвечал, что нужно поправить.

– Рисовала этой кисточкой? Ой, писала, так правильно говорить...

– Нет, – Ксения улыбнулась. – Когда я ее нашла в машине, то тайком сунула в свой карман. У меня ведь никогда не было таких кистей, настоящих... тогда я не знала, что потом Лев Семенович привезет мне десять таких же. И еще много всего. И ему не стала эту кисть возвращать: было стыдно, что я ее, прямо говоря, украла. Я прятала ее в карманах, как талисман.

– Талисман, – задумчиво повторила я. – Считай, что так и есть. Если бы не эта кисточка, если бы ты ее не забыла в палате, я бы никогда не узнала, кто это вообще такой Борис Тикко. И не связала бы это с тобой. И Рыжик... Винсик не нашел бы тебя в том поселке.

– Да, точно, – улыбнулась Ксения и повертела кисть в руках. – Майя, спасибо тебе. Я не ожидала, что обо мне вообще будут так волноваться столько людей. Я никому никогда не была нужна, кроме брата...

– Не за что. О тебе действительно все переживали. Андрей расклеивал по всему городу листовки с твоим фото, ему помогала моя подруга. – Я постаралась, чтобы мое лицо при этой фразе выглядело ровно. – Полина очень волновалась. И в больнице тебя очень любили. Никогда не думай, что ты никому не нужна. Просто у всех свои дела, заботы, своя жизнь,

это же нормально. Но если тебе потребуется помощь, то обязательно эту помощь проси. И ты сразу увидишь, сколько неравнодушных людей откликнется на просьбу.

Когда приехали Полина, Вячеслав Олегович и Андрей, мы с Рыжиком пошли гулять. Пес бегал за голубями, радостно лая. А мне хотелось сесть на сваленное дерево и заплакать. Но я приказала себе держать себя в руках, а то еще Андрей подумает, что я плачу из-за того, что уезжает он.

Вещей у Ксении не было, поэтому собралась она быстро.

– Майя, я тебе обязательно напишу, – сказала она и обняла меня.

– Хорошо, – улыбнулась я.

– В понедельник вечером у нас поезд, а утром будем оформлять все бумаги, – сообщила Полина.

Вячеслав Олегович мыл чашку после чая на кухне. Я зашла и прикрыла дверь.

– Вячеслав Олегович... а из-за чего все-таки выпала из окна мама Ксении? – тихо спросила я. – Мне просто нужно это знать, чтобы получить полную картину всего произошедшего.

– Картину ей, – проворчал Вячеслав Олегович, – ты лучше расскажи, почему мне не позвонила. Затеяла расследование, малолетка. Тебя могли убить.

– Извините, – пискнула я, понимая, что он вообще-то прав.

– Ладно, – смягчился он. – В принципе, ты молодец. Раскрутила. Мать Ксении могла сама прыгнуть из окна, предварительно приняв алкоголь. Мы просмотрели все ее телефонные звонки. Оказалось, что она несколько раз в год созванивалась с одной знакомой из Севастополя. Мы вышли на эту знакомую. В тот день, когда эта Лариса шагнула из окна, она узнала, что отец ее детей и бывший муж Салтыков погиб.

– Значит, она его так и любила всю жизнь, – произнесла я.

– Любила... детей бы своих лучше любила. Ладно... а ты знай, что ни один человек в мире не стоит того, чтобы из-за него расстаться с собственной жизнью. Поняла? – строго спросил Вячеслав Олегович и грозно посмотрел на меня.

– Да... я как-то никогда не думала о таком, – промямлила я.

– Ни один, – грозно повторил Вячеслав Олегович. – Я за тридцать лет службы в полиции много повидал. И самоубийц тоже. И ни один человек, из-за которого другой человек самовольно расстался с жизнью, особо потом не мучался. Выходили замуж, женились и забывали. У нас-то все на виду, везде знакомые, сватья-братья, все знаем.

– Да я никогда и ни за что, не волнуйтесь! – заверила я.

– И за подружкой своей присмотри, – вдруг переключился Вячеслав Олегович, – что-то девка совсем запала на Андрию, а у нас завтра поезд.

– Я поняла, спасибо, – сухо ответила я. За Лерку мне стало обидно. – Скажите, а такое возможно, что и Борис Тикко сам выпал из окна, и Лариса тоже? И оба с пятого этажа. Вам не кажется это странным? Разве бывают такие совпадения?

– Еще и не такие совпадения бывают, – развел руками Вячеслав Олегович. – Чем дольше живешь, тем больше удивляешься, как случайности могут переплетаться.

– Да уж, – только и оставалось согласиться мне. – А что будет с этими людьми?

– Ты про Гольдмана и Савченко?

Я кивнула, догадываясь, что Вячеслав Олегович назвал фамилии Льва Семеновича и дяди Саши. Адрес дома Гольдмана Льва Семеновича назвала мне вчера засыпавшая Ксения, его я и сообщила Вячеславу Олеговичу.

– Ксюша просит «их не трогать», – усмехнулся Вячеслав Олегович, – особенно переживает за «дядю Сашу». Я связался с полицией, как раз в этом доме прошлой ночью была стрельба, но этот случай хотели «замять» местные. Не получится замять.

– Там все живы? – заволновалась я.

– Живы и здоровы. Но в доме том много интересного, я имею в виду антиквариат, картины и прочее. Если там капнуть глубже, посмотреть контакты Гольдмана и проследить его деятельность, то вылезает много нелицеприятного, и это тянет на конкретный срок.

Мне вдруг стало страшно за Марианну. А если полиция

выйдет на нее? Хотя... если я буду молчать, то, может, и обойдется.

– Но Ксения отказывается давать показания против Гольдмана и Савченко. Может, не хочет, чтобы узнали, что она тоже была замешана в попытке продать фальшивую картину. Ну, как хочет. Пусть дальше местная полиция разбирается. Если Ксюша согласна закрыть глаза на то, что ее обманывали и планировали убить...

– Я ее понимаю, – сказала я.

– Я тоже могу понять, – кивнул Вячеслав Олегович. – Зачем ей сейчас протоколы и суды. Ей лечиться нужно, воздухом морским дышать и витамины есть. Вот Полина купила летом большую отдельную морозилку, чтобы замораживать ягоды. Говорит, если варить варенье, то витамины уходят, а если замораживать – остаются. Будем теперь двоих детей откармливать, – улыбнулся Вячеслав Олегович.

Улыбка удивительным образом преобразила его строгое тяжеловатое лицо. А мне подумалось, что он ведь тоже мог мечтать о детях, хоть и у мужчин это меньше выражено. Все-таки Ксения приняла правильное решение.

В прихожей уже ждали Полина, смущенная Ксения и Андрей, который, как мне показалось, старался не смотреть на меня.

– Майя, приходи, пожалуйста, на вокзал нас проводить – попросила меня Ксения, – я хочу написать твой портрет по памяти, как раз в понедельник отдам.

– Я постараюсь, – пообещала я.

Все ушли, включая Рыжика. На прощание он лизнул меня в щеку и, виляя хвостом, виновато посмотрел на меня своими карими глазами.

– Веди себя хорошо, – сказала я, глотая слезы.

Через час пришла с какой-то встречи Марианна, взяла свой чемодан и тоже стала прощаться.

– Майка, спасибо, что приютила! Мы получили ключи от купленной квартиры, можно въезжать! Она недалеко, студия, зато своя. Обязательно приглашу тебя на новоселье! – радостно восклицала подруга. – И в танцевальной школе я уже начала заниматься! Все просто супер! Не жизнь, а сказка!

Я осталась одна в квартире. Налила себе чаю, долго его заваривала. Потом сидела и размешивала в чашке сахар. Пить не хотелось, есть тоже. Я вылила нетронутый чай, вымыла чашку. Походила по комнатам, поочередно заглядывая везде в окна. Уже в последнем окне я заметила грустную фигурку Лерки на лавочке возле магазина.

Натянув куртку и кроссовки, я выбежала к подруге. У нее были заплаканные глаза и опухший нос.

– Лерка! – бодро воскликнула я. – Наконец-то ты только моя!

Подруга вяло улыбнулась.

– Я вот давно хожу мимо детского магазина, люблюсь на одного воздушного змея в витрине, – продолжала я. – Мне

стыдно идти и покупать его одной. Пойдем?..

Лерка подняла на меня глаза, шмыгнула носом и встала, не вынимая руки из карманов.

Я взяла ее под руку, и мы направились к магазину.

День был сухим и ветреным. Мы с Леркой бегали по пустому пляжу и нам сверху улыбался воздушный змей с мордой кота. Потом мы лежали на двух расположенных рядом бревнах и гадали на будущее, глядя на фигуры облаков.

Румяная Лерка наконец-то улыбалась. И я тоже.

– Майя, ты на меня не обижаешься? – спросила Лера на обратном пути.

– За что? – спросила я.

– Я две недели тебе не звонила.

– Нет, конечно. Я же все понимаю. Но теперь ты мне эти две недели будешь должна. Будем каждый вечер ходить к заливу и запускать змея.

– Так уж и быть, – рассмеялась подруга, – я согласна. А сегодняшний вечер считается?

– Да, засчитано.

– Это хорошо. А то, пока тут гадали на будущее, мне вдруг пришла идея заняться фотографией. Мы во стольких местах были с... Андреем... у меня накопилось столько классных фото города... может, мне стать фотографом? Папа недавно купил крутую камеру.

– Отличная идея, становись, – поддержала я.

– Тогда прямо сегодня создам свою группу «Вконтакте».

– Да! Лучше не откладывать, пока не передумала! – обрадовалась я, что подруге будет, на что отвлечься.

В воскресенье вечером вернулись родители и брат.

– Майка, ты тут никого еще не завела, пока нас не было? – с порога весело спросил брат.

– Нет, наоборот, все вывелись, – грустно сказала я, стараясь не заплакать.

Папа заглянул в мою комнату, потом посмотрел на пустой крючок, где в последнее время висел поводок Рыжика, обнял меня за плечи.

– Хочешь, прямо сейчас поедem в приют и возьмем тебе собаку? – предложил он, – с Зевсом я почти договорился.

– Спасибо, пап, я подумаю, – ответила я, вздохнув, – мне нужно время.

Глава 23

На вокзал Лера ехать отказалась, серьезно заявив, что у нее слишком много дел. Наверное, не хотела снова рвать себе душу отъездом Андрея.

На перроне Ксения вручила мне нарисованный портрет. На нем была девушка, то есть я, но какая-то загадочно-красивая. На улице сгустились сумерки, шел мелкий дождь, но где-то сбоку щеку девушки освещал мягкий свет. Ее волосы были распущены, на губах блуждала полуулыбка, и было件нятно, что она знала: где-то там, где свет, ее ждут. Несмотря на серо-голубые оттенки, картина все же вызывала уютные и теплые чувства.

– Андрею очень понравилось, – весело сказала Ксения, – он теперь просит и его нарисовать.

– Спасибо большое! – в восторге поблагодарила я.

– Мы пойдем, а то Винсик очень волнуется на вокзале. Надеюсь, в купе ему будет спокойнее.

– Хорошо, конечно! Напиши мне, когда приедешь! – ответила я, стараясь не смотреть на Рыжика.

– Майя, – окликнул меня сзади Андрей.

Я повернулась. У Андрея между бровями пролегла озабоченная складка, будто он морщился от боли. Мне показалось, что он похудел и осунулся. Хотя ведь он должен был радоваться...

– Спасибо тебе... за Ксению.

– Пожалуйста. А тебе спасибо за Леру.

– Не надо, – тихо сказал Андрей и мотнул головой, – ты ничего не понимаешь.

– Куда уж мне. Ладно, пока.

Андрей, не оглядываясь, пошел в вагон, а я стала ругать себя.

«Ну вот к чему это сейчас было? – отчитывал меня внутренний голос, – что за страсти ты устроила?..»

Я попыталась выровнять дыхание: меня била непонятная дрожь: хотелось, чтобы поезд уже поскорее уехал, но и чтобы никуда не уезжал. Почему-то на глазах выступили слезы, в горле встал ком.

Из вагона вышли Полина и Вячеслав Олегович. Я быстро заморгала глазами, чтобы они не увидели моих слез. Няня Андрея подошла и обняла меня, ее муж стоял рядом и улыбался.

– Приезжай к нам на каникулах, – пригласила Полина.

– Хорошо, как-нибудь обязательно выберусь, – пообещала я, чувствуя, как слезы уже текут по моим щекам.

– Ну что ты, Майя, не грусти! – снова обняла меня Полина, – ты нам теперь ближе родственницы, обязательно пиши Андрюше и Ксюше! И я тоже освою социальные сети, вот обещаю тебе! Как только приеду, создам свою страничку!

Мы еще постояли около минуты, а потом услышали объявление о скорой отправке поезда.

Полина и Вячеслав Олегович поспешили обратно в вагон и стали махать мне из окна. Рядом с ними, прислонившись к стене, стоял Андрей и равнодушно смотрел куда-то в сторону, а у меня снова выступили слезы. Неожиданно захотелось побежать в вагон и все-таки обнять... Андрея?.. Рыжика?..

Слезы вновь полились по щекам. Я сделала глубокий вдох и вытерла лицо сразу двумя руками.

– Девушка! – вдруг услышала я сбоку и повернулась.

На меня смотрел, улыбаясь, парень лет шестнадцати. Очень короткая стрижка, черная кожаная куртка, веселые лучики вокруг серо-зеленых глаз, ямочка на щеке.

– Это случайно не вы? – парень повернул ко мне экран своего мобильного телефона. На меня смотрела девушка, очень похожая на меня. Черное платье, открытые плечи, на шее – кольцо с зелеными камнями. Лицо девушки было освещено как будто пламенем свечи, от чего она казалась то ли призраком, то ли героиней картины средневековья.

– Ой, откуда у вас это? – воскликнула я, узнав фото. Когда-то Лерка сфотографировала меня так перед тем, как я продала найденные внутри моей куклы сокровища: кольцо, серьги и кольцо с изумрудами.

– Так все-таки вы? – обрадовался парень. – Я сохранил себе это фото, оно даже у меня стоит в качестве заставки, потому что вы меня поразили в самое сердце.

– Но откуда?.. – продолжала удивляться я.

Парень полистал экран телефона, потом показал мне.

– Фотограф Валерия Ладыгина: недорого, но круто! – прочитала я.

Оказывается, Лерка, создав группу с рекламой своих услуг фотографа, поставила в качестве иллюстрации мое фото...

– Ну ты даешь, подруга, – пробормотала я.

– Вы представляете, в Питер приезжал мой брат в свадебное путешествие на выходные, и попросил меня его пофотографировать. Но я не был уверен, что меня отпустят в эти выходные – я учусь в Кадетском корпусе. Поэтому я решил найти для него и его жены недорогого фотографа, и наткнулся на эту группу. Правда, меня все-таки отпустили на полдня, и я все же пофотографировал. Но это фото запало мне в душу.

На небе расступились тучи, и солнце осветило смешной рыжий чуб парня. Оказалось, что на носу у него были милые веснушки. Мне сразу расхотелось плакать.

– Ну, раз это вы, я не могу вас просто так отпустить. Пойдемте хотя бы попьем кофе? Здесь прямо у вокзала отличное кафе. И вы не можете отказаться, понимаете, это же судьба!

Я рассмеялась.

– Снова круг замкнулся, – задумчиво пробормотала я, взглянув в окно поезда, где еще недавно маячил Андрей, равнодушно разглядывая расписание. Сейчас он стоял, близко прислонившись к окну и положив руку на стекло, и пристально смотрел то на меня, то на моего нового знакомого.

Поезд тронулся, Андрей в окне стал удаляться.

– Пойдем? – спросил парень.

– С удовольствием, – ответила я, заставив себя улыбнуться.

Поезд медленно уезжал в мое прошлое, а я шла к выходу из вокзала в свое будущее, – именно так я говорила себе, идя со своим случайным спутником. А может, и не случайным...

В оформлении обложки использована фотография автора Vadim Sadovski «Sunset» с <https://unsplash.com>.